

Управление культуры правительства
Еврейской автономной области

Биробиджанская областная универсальная научная
библиотека им. Шолом-Алейхема

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ НАМ ВЫПЛО ЖИТЬ...

Сборник методических материалов

Биробиджан, 2013

Составитель: Е.А. Кузнецова.

Главный редактор: О.П. Журавлева.

Редакторы: А.Н. Акименко; Т.И. Рыжкова; О.В. Пузикова.

Ответственный за выпуск: И.В. Козина.

«Земля, на которой нам выпало жить...» : сборник методических материалов / сост. Е.А. Кузнецова ; худ. В. Цап. – Биробиджан, 2013. – 84 с.

В настоящий сборник вошли различные материалы по литературному краеведению. Его цель – познакомить с историей литературного процесса на территории автономии и опытом продвижения и популяризации литературы ЕАО; раскрыть особенности жизни и творчества писателей, связанных с нашей областью.

В первый раздел вошли материалы, посвящённые юбилею Н.Д. Наволочкина. Второй посвящён литераторам, писавшим на языке идиш, и в первую очередь юбилярам этого года – Э. Казакевичу, И. Бронфману, Б. Миллеру и другим. Третий раздел включил статьи и очерки об авторах, пишущих на русском языке.

Сборник адресован широкому кругу читателей, всем интересующимся историей и литературой ЕАО.

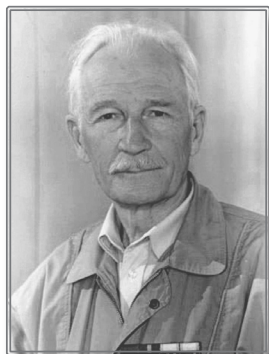
В оформлении обложки использованы рисунки В. Цапа.

Раздел I «Я родом из детства...»

Николай Дмитриевич Наволочкин

Е.А. Кузнецова

В январе этого года исполнилось 90 лет нашему земляку и признанному дальневосточному писателю Николаю Дмитриевичу Наволочкину.

Наволочкин Николай Дмитриевич родился в 1923 г. в пос. Николаевка Смидовичского района ЕАО в семье рабочего Тунгусского лесозавода. Он никогда не забывал про свою малую родину и земляки не забывали его. Сегодня в пос. Николаевка библиотека носит его имя.

Школу Николай окончил в 1940 году. В 1941 г. после окончания школы был призван в армию. В запасном полку он прошёл курсы радистов. В конце 1942 г. был зачислен в 148-ю отдельную роту связи 193-ей стрелковой дивизии. Участвовал в Курской битве, форсировал реки – Десну, Сожу, Днепр, Западный Буг, освобождал Белоруссию. В марте 1943 г. во время боя в селе Кочетовка Курской области радист Николай Наволочкин вызвал огонь по танкам, ворвавшимся во двор дома, где находилась рация, и подбил один из танков. За проявленный героизм в сражении был награждён орденом Красной Звезды. Со своей дивизией дошёл до Польши. Был ранен. День Победы встретил в Новосибирске. После войны окончил исторический факультет Хабаровского пединститута.

С 1951 г. работал в Хабаровском книжном издательстве, сначала редактором. Наряду с основной работой Н.Д. Наволочкин является членом редколлегии журнала «Дальний Восток», членом Хабаровского отделения Союза советских писателей. Член союза писателей с 1954 г., печататься начал с 1952 г. Первый сборник его стихов вышел в 1953 году. В нём рассказывалось о буднях тружеников села, о сплаве леса, о студентах и учителях, о Герое Советского Союза Евгении Дикопольцеве.

Ведущее место в творчестве писателя занимают стихи, рассказы, повести для детей. Они учат ребят быть честными и правди-

выми, хорошо учиться, готовить себя к будущей активной жизни.

Но в его литературном наследии не только книги для детей. Его фронтовые впечатления легли в основу таких произведений, как «Жди ракету», «Шли радисты». Истории освоения Дальнего Востока посвящены «Амурские вёрсты», «13-й линейный батальон и его командир» и др. Одна из последних его исторических книг – «Главное дело капитана Дьяченко». Это историческое повествование о Я.В. Дьяченко и его участии в основании и строительстве г. Хабаровска.

Нашлось в его литературной палитре место и фантастике. Это сборник «После дождика... в среду: Были и небыли посёлка Н.» Добродушные, легковёрные, незадачливые люди, такие близкие и понятные, поступки их вызывают и смех, и сочувствие. В выпущенное в преддверии 90-летнего юбилея писателя переиздание этой книги вошёл и его рассказ «Дневник памяти». Он интересен воспоминаниями мудрого, доброго, наблюдательного, сердечно щедрого человека, большая часть жизни которого пришлась на нелёгкий, переполненный событиями двадцатый век. Каждая строчка дневника согрета теплом души автора.

За свою долгую жизнь писатель заслужил немало наград. Получил награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «Братство брони» («Братство по оружию», Польша), медали «За доблестный труд» и «За освоение целинных земель», почётный знак Правительства Хабаровского края «За заслуги» имени Н.Н. Муравьева-Амурского (2008). Н.Д. Наволочкину присвоено звание «Почётный гражданин города Хабаровска» (22 мая 1995 года). Также был награждён премией Губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства (за книгу «По особым поручениям», 1997).

Николаевские чтения

Опыт библиотеки им. Наволочкина посёлка Николаевка

Л.Б. Крешенная

Когда работники библиотеки п. Николаевка вместе со Светланой Ивановной Базановой, активной общественницей, решили организовать литературный праздник посвящённый своему знаменитому земляку Николаю Дмитриевичу Наволочкину, они и представить себе не могли каким огромным, поистине всенародным праздником обернётся это начинание.

Хотелось, чтобы земляк знал, как его любят и гордятся им, чтобы для всей Николаевки и Николая Дмитриевича был настоящий праздник. Чтобы дети знали наших дальневосточных писателей.

И вот на первом этапе этого начинания Светлана Ивановна обратилась в Хабаровское региональное отделение Союза писателей России за помощью, не хватало одной его книжечки стихов о войне «Обратная связь», работники отделения и придумали название «Николаевские чтения».

Это так здорово и точно звучит – «Николаевские чтения». Тут тебе и Николай Дмитриевич, который при жизни удостоился проявления горячей любви земляков, и Николаевка, жаждущая культурных встреч, а в сущности, озабоченная духовностью и нравственностью своего завтрашнего дня.

Первая творческая встреча с писателем прошла на сцене Дома культуры. Зал был полон. На сцене танцоров сменяли певцы, их сменили юные чтецы, следом идёт инсценировка по роману «Амурские вёрсты». Рефреном сбоку на экране идёт фильм о Наволочкине «Я родом из детства». И вот в разгар всего этого торжества на сцену вышла заведующая библиотекой Людмила Гавриловна Жеребцова и сообщила о том, что уже не один раз разговаривала она с Николаем Дмитриевичем, испрашивая разрешения присвоить поселковой библиотеке его имя. Он всё оттягивал время, обещал подумать.

– Сегодня, самый подходящий момент, чтобы принять решение. Попросим Николая Дмитриевича всем миром, – обратилась Людмила Гавриловна к залу.

Зал загудел: «Просим, просим!»

– Ну, что же, может быть вы и правы, – сказал Николай Дмит-

риевич как-то неуверенно и смолк в раздумье. Но слово было сказано, и зал взорвался в ликование.

21 июня 2007 г. решением Собрания депутатов муниципального образования «Смидовичский муниципальный район» было принято решение «О присвоении библиотеке посёлка Николаевка имени Николая Дмитриевича Наволочкина».

Нельзя сказать, что «Николаевские чтения» – это только одна многолюдная встреча с известным человеком. В жизни посёлка заметное место занимает целый пласт культурной деятельности, связанной с известными земляками и направленной на возрождение духовности. «Чтения» объединяют множество больших и малых дел, в подготовке и проведении которых участвует не только поселковая библиотека, а можно сказать вся Николаевка. Работа не затихает в течение года, и каждый месяц приносит что-то новое. Февраль 2008 г. оказался самым щедрым на события. Состоялась презентация новой книги С.П. Кучеренко «Охота, рыбалка и пытки сердечные». Обсуждению книги сопутствовало компьютерное оформление, выполненное учениками школы № 2. На фоне прибрежных тунгусских просторов, «раскинувшихся» на экране, звучали отрывки из разных рассказов, вошедших в сборник, ребята живо обменивались мнениями, и тут не оказалось ни одного скупающего лица...

Почти одновременно с этим в школе № 7 ученики и педагоги готовились встречать артистов хабаровского ТЮЗа, пригласивших к показу два спектакля – современную сказку для самых маленьких и для старших – «Привет полтергейст».

Кульминацией явилась творческая встреча жителей посёлка с писателями-земляками – С.П. Кучеренко и Н.Д. Наволочкиным, она прошла в Доме культуры. Оправдывая смысл названия «Николаевских чтений», перед собравшимися один за другим выступали артисты Хабаровских театров. Они читали отрывки из произведений. Была организована книжная выставка писателей «Дорогие мои земляки».

Вслед за тем на сцену поднялись и сами авторы. К ним с ответственным словом обратилась заведующая поселковой библиотекой Л.Г. Жеребцова. Она вручила Николаю Дмитриевичу отчёт о проделанной работе, а С.П. Кучеренко – диск с записью презентации его новой книги. Николай Дмитриевич поделился впечатлениями о встрече, которая ему очень понравилась.

Как бы подводя итог Н.А. Костюк, заместитель председателя

регионального отделения Союза писателей России, от лица творческой интеллигенции Хабаровска поблагодарила за тёплый приём и заметила, что Николаевка богата своими традициями, и к существующим донине прибавилась ещё одна – проведение «Николаевских чтений». И в память об истории их создания подарила альбом с фотографиями, запечатлевшими события начального этапа совместной работы. А затем она передала книги для поселковой библиотеки от Союза писателей.

Л.Г. Жеребцова

«Николаевские чтения» в нашем посёлке проводятся ежегодно с 2007 г. В Николаевке родился и вырос писатель Николай Дмитриевич Наволочкин, длительное время проживал писатель, эколог Сергей Петрович Кучеренко. В целях популяризации их произведений решено было в школах провести познавательные часы по произведениям этих писателей и ближе познакомить учащихся с земляками. На первые «Николаевские чтения» был приглашён Н.Д. Наволочкин. Они проходили под названием «Дорогие мои земляки». Преподаватель музыкальной школы С.И. Краснопольская написала сценарий проведения этого мероприятия, детьми подготовлены сценки из сказки «Полудница Акуля», взрослыми поставлена небольшая сценка по роману «Амурские вёрсты», клубом «Белая акация» подготовлены старинные песни. На чтения были приглашены артисты музыкальной комедии и драмтеатра, члены Союза писателей В.М. Федоров, Н.А. Костюк, Н.Д. Наволочкин, администрация и жители поселения. Библиотекой была организована выставка произведений Н.Д. Наволочкина.

К Николаю Дмитриевичу, ещё до проведения «Николаевских чтений», я по телефону обращалась с просьбой дать согласие о присвоении звания нашей библиотеки – библиотека имени Н.Д. Наволочкина. Но из-за скромности он не соглашался. И вот воспользовавшись его присутствием, я со сцены обратилась вновь к нему с этой же просьбой, все присутствующие меня поддержали. По решению собрания депутатов с июня 2007 г. наша библиотека носит почётное имя Н.Д. Наволочкина.

Последующие «Николаевские чтения» носили разнообразный характер. Так в 2008 г. на чтения был приглашён С.П. Кучеренко, перед этим Сергей Петрович побывал в нашей школьной библиоте-

ке, посмотрел, какие есть его книги и недостающие подарил в наш фонд. В 2008 г. по его произведениям была поставлена сценка «Караси моего детства», а его рассказы читали артисты музыкальной комедии и актриса ТЮЗа Т.М. Гоголькова.

Проведение «Николаевских чтений» послужило активизации работы литературного объединения «Родники», работающего при библиотеке. В 2007, 2008 гг. члены объединения издали сборники стихов и прозы «Родники». Л.Ф. Кашкина, руководитель литературного объединения, в 2009 г. с помощью районной администрации издала сборник новелл, повестей и рассказов «Три страны, три малых родины». В состав объединения вошли новые талантливые люди – Овсяк С.Н., Скепочка Н.П. По совету Кучеренко С.П. в 2009 г. Скепочка Нина Петровна издала сборник стихов «Ожидание». Барбышевой Л.П. подготовлена к изданию книга о Николаевке и её людях.

В 2012 г. «Николаевские чтения» прошли под названием «Ярмарка талантов», на которую были приглашены представители издательств: В. Ремезовский главный редактор журнала «Дальний Восток», В. Буря главный редактор издательства «Частная коллекция», В. Антонов заместитель главного редактора газеты «Биробиджанская звезда», которые послушав стихи и прозу наших «Родниковцев» предложили напечатать их сочинения. В гостях у объединения «Родники» побывали поэтесса Миланич Людмила Ивановна, литературный исследователь Катеринич Валентина Николаевна, в августе текущего года провела мастер-класс поэтесса, заместитель председателя Хабаровского Союза писателей Костюк Н.А.

Большую работу с учащимися начальных классов ведёт Базанова Светлана Ивановна, она помогает детям видеть, думать, правильно излагать свои мысли при написании рассказов, сказок. В результате наши дети в областных конкурсах стали получать призовые места и принимать участие в «Николаевских чтениях».

«Николаевские чтения» – это формирование интеллектуальной среды обитания и в их проведении участвуют все. Это не просто ежегодное мероприятие, а постоянная работа по формировании личности подрастающего поколения. В проведении этой работы и организации «Николаевских чтений» большую поддержку оказывают глава администрации нашего поселения С.П. Копытков и председатель Собрания депутатов Николаевского городского поселения Т.И. Прокопенко.

«Удивительное. Сказочное. Сокровенное», или Как отмечали юбилей земляка

Р.Н. Пацюк

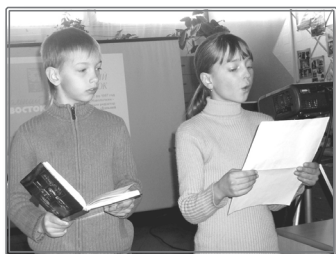
Юбилей писателя – прекрасная возможность вспомнить творческое наследие нашего знаменитого земляка Николая Наволочкина. Этому событию в январе сотрудники библиотеки КДЦ «Махаон» Смидовичского района посвятили немало творческих мероприятий. Цель их – привлечь внимание юного поколения к творческому наследию писателя, «оживить» увлекательные страницы его умных, добрых и весёлых детских книг. В библиотеке прошли литературные часы, конкурсы, театрализованные постановки.

Вечер-портрет «Сын земли дальневосточной» был организован для ребят среднего школьного возраста. Рассказ ведущих о жизни и творчестве Н.Д. Наволочкина сопровождался слайд-презентацией, обзором художественных и публицистических произведений автора и видеокадрами из документального фильма «Я родом из детства». Ребята узнали много интересного из обзорного материала. Так, всех заинтересовал факт происхождения посёлка Николаевки – родины писателя, история его названия и судьба С.П. Щепетнова – первого учителя Николаевской школы, комиссара просвещения Дальневосточного края, трагически погибшего от рук белогвардейцев. Эти события описывает Николай Дмитриевич в своей книге «Забытая история». С интересом слушали школьники и историю заселения Приамурья, о главном деле командира 13-го сибирского батальона капитана Дьяченко, героически закладывающим вместе со своими солдатами-линейцами первые поселения на Амуре.

Серия литературно-познавательных мероприятий «Удивительное. Сказочное. Сокровенное» раскрыла перед младшими школьниками мир удивительно добрых, наблюдательных, отзывчивых героев детских книг писателя, готовых прийти на помощь друг другу. Это и сказочные персонажи, и обыкновенные дачники, деревенские жители, разговорчивые животные и даже ворчливые растения. Причём у писателя есть удивительное свойство пробуждать читательскую влюблённость в своих героев, будь это даже и отрицательные персонажи.

А какие смешные стихи у нашего земляка! Чего стоит его юмористическое стихотворение «Грамотей» – о мальчике, который помог бабке написать объявление о продаже домашнего имущества

вместе с живностью, но забыл расставить в нём знаки препинания. Естественно, что односпальную несущую и с дюжиной цыпляток чушку, никто не пришёл покупать. Интересно, что эту тему писателю подсказала сама жизнь – однажды он сам познакомился с объявлением такого «грамотея».

Ребята с удовольствием читали и другие замечательные стихи Николая Дмитриевича из сборника «Как исправить единицу», состязались в конкурсе на лучшего рассказчика его интересных историй о приключениях городского кота Егора, впервые попавшего на деревенские просторы, участвовали в театрализованной презентации трогательной повести-сказки писателя «Полудница Акуля».

В гости к школьникам со страниц книги пришла бабушка Акуля – хранительница огородных угодий. С этой ролью прекрасно справилась Лида Старченко. Полудница пригласила ребят в импровизированный огород и рассказала о себе, о друзьях, о своём огородном хозяйстве. Вместе с верным другом псом Барбосом (Даша Прилепских) они провели кроссворд для ребят, размещённый на большой тыкве. Весёлая игра «Помоги собрать овощи Акуле» познакомила участников с овощами, за которыми она ухаживает. Самые внимательные и любознательные ребята были награждены сладкими призами от Акули.

В предисловии к «Полуднице Акуле» Николай Дмитриевич написал: *«Мне бы хотелось, чтобы как можно больше детей познакомились с героями моей повести и стали немного добрее...»* Читая книги нашего земляка, написанные для детей – смешные и грустные, волнительные и бесхитростные, наполненные особой дальневосточной романтикой, не остаёшься равнодушным к судьбе героев, сопереживаешь вместе с ними. Думается, такие книги будут востребованы не одним поколением ребят. Потому, что секрет писательского мастерства в его непревзойдённом умении увидеть сказочное, удивительное и сокровенное в каждом мгновении, в житейском, привычном.

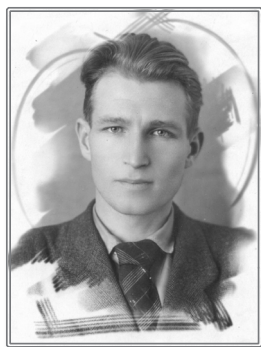
«Сын земли дальневосточной»

вечер-портрет, посвящённый 90-летию юбилею
Николая Дмитриевича Наволочкина

Р.Н. Пацюк

«Книги Н.Д. Наволочкина перебрасывают духовный мост из прошлого в будущее, они расширяют культурное пространство и их следовало бы изучать в школе как энциклопедию жизни Дальнего Востока».

*Н. Гребенюкова, старший научный
сотрудник литературного отдела Ха-
баровского краеведческого музея*

Пятого января известному дальневосточному писателю Николаю Дмитриевичу Наволочкину исполнилось 90 лет.

Его книгами наши ровесники зачитывались в детстве, ведь немного было тогда таких умных и весёлых книжек. В более взрослом возрасте мы познакомились с его книгами о войне, и главной, по словам автора, книгой жизни – романом «Амурские вёрсты». Это серьёзное историческое произведение, написанное на документальной основе – об освоении Приамурья и рождении города Хабаровска, о людях сделавших так много для нашего края.

Чем так притягательны книжки Н.Д. Наволочкина? Тёплые и бесхитростные, они наполнены мягким юмором, добродушием, особой дальневосточной романтикой. Этого как раз не хватает современным детям, которые устали от ужасиков, страшилок, злобных американских мультиков. Давайте, ребята, вместе с вами перелистаем увлекательные страницы творческой биографии Николая Дмитриевича и поближе познакомимся с этим замечательным писателем, удивительно светлым и добрым человеком. (Слайд-презентация).

«Николай Дмитриевич родился и вырос в посёлке Николаевка. Там есть студёная горная речка Тунгуска, есть озеро, где цветёт божественный цветок – лотос. Там водятся медведи, кабаны, лисы и рыси. Там бродит лесной кот, бегают косули и гнездится утка-мандаринка... Из всего увиденного и необычного, что впитала

с детских лет чуткая, отзывчивая душа писателя, родились книжки, с которыми выросли сотни и тысячи юных хабаровчан». Так написал о нашем земляке поэт Николай Кабушкин.

В Николаевку, в свой родной посёлок и отчий дом, который помнит писателя ещё ребёнком, Николай Дмитриевич наведывался частенько. В этих местах, знакомых с детства, жили многие его герои. Каким он был в ту пору? Воспоминания об этом времени сохранил брат писателя Юрий Дмитриевич: *«Наш отец считался грамотным человеком, несмотря на три класса образования. В доме всегда имелось много книг. Регулярно выписывались две детские газеты – «Пионерская правда» и «Знамя пионера», которая печаталась в г. Хабаровске (именно там были опубликованы первые стихи Николая, написанные в школе). Мы, дети, рано приобщились к чтению. Николай перед поступлением в первый класс умел читать, писать и считать».*

Коля был не по годам развитый, поэтому, немного проучившись в первом классе, был экстерном переведён во второй класс. Мальчик рос наблюдательным, очень любил природу и рыбалку.

Шло время, незаметной чередой катили школьные годы. Николай учился в классе, который выступал первым во всех делах, начинаниях и считался одним из лучших в школе. Коля много читал и писал стихи. Первое стихотворение автора-пятиклассника, помещённое в газете «Знамя пионера», называлось «Старая и новая школа». Материалом послужило то обстоятельство, что старая поселковая школа ни в какое сравнение не шла с новой. Сама жизнь подсказывала, о чём писать.

Стихи Наволочкина-старшеклассника стали появляться в областной и краевой газетах, и, не случись войны, его профессионализация завершилась бы, наверное, много раньше. Но война нарушила все планы паренька, расстроила его заветную мечту поступить в Севастопольское мореходное училище. Повестку в военкомат юноше и его товарищам принесли прямо на выпускной вечер, откуда будущий писатель ушёл в армию. Вскоре началась Великая Отечественная война. Об этом времени – его собственные воспоминания: *«Старший сержант – самое высокое звание, которое я получил на фронте. Так подписывались и мои стихи, публиковавшиеся в дивизионной газете. Я был просто солдатом и вместе с другими прошагал от города Ельца, что в Липецкой области, через Курскую, Брянскую, через всю Белоруссию до станции Садовне в Польше. Как*

и другие воины нашей армии, принимал участие в форсировании Десны, Сожы, Днепра, Западного Буга. Ещё хотелось бы добавить, что служил я радистом».

Не случайно именно эта военная специальность досталась ему. Ещё дома Николай увлекался радиodelом, и в «наследство» ему отец передал небольшой самодельный радиоприёмник, которым парень очень дорожил. В марте 1943 года во время боя в селе Кочетовка Курской области радист Николай Наволочкин вызвал огонь по танкам, ворвавшимся во двор дома, где находилась рация. В результате артобстрела был подбит один из танков. Этот бой описан им в повести «Шли радисты».

«Невысокого роста, сухощавый генерал Батов, – вспоминает писатель, – шагал вдоль строя в сопровождении других офицеров и вручал награды. Остановился возле меня. Кто-то зачитал указ о награждении, где говорилось, что мы вызвали огонь на себя, в результате чего был уничтожен немецкий танк...» За первый бой на Курской дуге Николай Дмитриевич получил орден Красной Звезды.

Этому и другим эпизодам фронтовых будней посвящались поэтические строки:

Война до ночи грохотала
В тот день, и кажется, теперь,
Она, усталая, стонала
От лютой злости и потерь.
Но затихает гул орудий,
Всё реже долбит миномёт.
«А что, и мы, наверно, люди?»
Сосед махорку достаёт...

На войне думалось о многом. О предстоящем сражении, о боевом товарище, смертельно раненом или убитом, и часто о доме.

Много вёрст прошли мы по дорогам,
По болотам, сёлам и лесам.
У родного не были порога
Много дней, ты знаешь сам.
Но когда-нибудь, встречая вечер,
Тихий майский вечер без войны,
Вспомним мы суровый свист картечи,
Боевые схватки, марши, встречи,
Эту ночь и бледный свет луны.

Так он напишет в 1943 году. А в 1944 году появляется стихот-

ворение «Мы с Амура». В нём есть строки:
 Любимый край, отцовский кров!
 Я не забуду эти годы –
 Весёлый говор у костров,
 Мальчишек дальние походы...

Н. Наволочкин дошёл со своей дивизией до Польши, там был ранен и День Победы встретил в Новосибирске. За освобождение солдат Войска Польского, попавших в окружение, награждён польской наградой «Братство по оружию». Отмечен орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией». В 1987 году Николай Дмитриевич в числе других фронтовиков, освобождавших Польшу, побывал по приглашению в этой стране.

В годы войны Н. Наволочкин внимательно присматривался к фронтовой жизни, хотя и мало представлял, в каком виде и когда удастся применить наблюдения и впечатления тех грозных лет. Стихи, да, стихи он продолжал писать и в армейскую и в окружную газету, там его печатали, но о серьёзном прозаическом произведении он в те годы не думал. Проза требовала более солидной, нежели средняя школа, подготовки, но институт был пока за пределами мечтаний – шла война.

Вернулся солдат-победитель в 1947 году в родной посёлок Николаевка и поступил в Хабаровский педагогический институт на исторический факультет. Его студенческие литературные пробы тепло поддерживают писатели, группировавшиеся вокруг журнала «Дальний Восток», стихи печатаются в журнале.

В 1951 году Н. Наволочкин окончил институт и стал главным редактором Хабаровского книжного издательства. С этой поры он не покидает работы ни на один день: восемь лет в издательстве, а затем – около сорока лет в редакции журнала «Дальний Восток». Из них – с 1977 по 1988 гг. – он главный редактор журнала. Редакторская работа приучила его к требовательности в собственном творчестве и, возможно, незаметно, обратила его внимание на прозу. Но произошло это не сразу.

В 1953 году Николай Дмитриевич был принят в Союз писа-

телей и почти десять лет он пишет стихи для детей. Исключение составляет сборник «Дорогие мои земляки», куда вошли стихи студенческой его поры о дальневосточниках-рыбаках, бакенщиках и других тружениках, о своём восприятии Родины, а также поэма о герое-земляке Евгении Дикопольцеве, который ушёл на фронт из педагогического института, и сборник «К звёздам».

В 1954 году выходит первая книжка для детей «На Амуре». В последующие годы вышли несколько книг для детей: стихи, сказки, рассказы, повести. Среди них: «Зайка-художник», «Песенка о друзьях» «Как Алёнка поила телёнка», «Путешествие зайца Антошки», «Как лечили Деда Мороза», «Знакомые кота Егора», «Барбос поднимает паруса», «Полудница Акуля» – добрые, смешные, умные повести. И написать их мог только светлый человек. Книжки понравились маленьким читателям, и автор пришёл к выводу, что может полнее, интереснее рассказать детям о своем крае, об окружающей жизни, о мыслях, которые ищут выхода и должны быть высказаны с помощью прозы.

Его книги – результат наблюдений писателя за детьми. Например, весёлая повесть «Барбос поднимает паруса» – про пионерское лето, любознательных ребят и крепкую дружбу.

Петя Азбукин – герой ещё одной повести Наволочкина «Жили-были». Петя очень расстраивался из-за того, что он родился 29 февраля, а так как 29 февраля бывает один раз в четыре года, то свой день рождения он тоже отмечал раз в четыре года. И вот, когда он учился в 5 классе, в день его рождения дядя подарил ему свой старый фотоаппарат. О том, что у него появился фотоаппарат, обо всех интересных делах ребят, Петькиных друзей, вы узнаете из этой книги.

Повесть «Андрейка-путешественник» иначе называется «Три дня из жизни Андрейки Крылова». Живёт Андрейка в г. Николаевске-на-Амуре, он его коренной житель и родился в нём девять лет назад. Ему очень повезло в жизни, вместе с папой он отправляется в далёкое путешествие в г. Ташкент. Но в дороге не обошлось без приключений, Андрейкин папа отстал от самолёта, и до Ташкента Андрейка добирался один. Но он совсем не испугался, а наоборот, ему было очень интересно, он встретился с хорошими людьми, которые помогли ему встретиться с папой.

Полудница Акуля, ростом с валенок, про которую Николай Дмитриевич Наволочкин написал целую книжку, на самом деле

живёт у него в огороде, но общаться с этой особой, а главное, увидеть её, может только очень добрый человек.

Другие герои повести «Полудница Акуля» – сказочные персонажи и обыкновенные дачники, деревенские жители, разговорчивые животные и даже ворчливые растения... Они растут, учатся, работают, отдыхают, путешествуют, просто стоят возле грядок на одном месте – охраняют огород. Но все они готовы прийти друг другу на помощь... На их взаимоотношениях автор учит читателей доброте, любознательности, наблюдательности, отзывчивости, умению сопереживать и другим необходимым современному человеку качествам.

Когда рядом живут такие книжки и такие герои, мир кажется тёплым и солнечным, как летний луг с ромашками. А какие удивительно добрые и смешные стихи у нашего земляка. Один из его сборников называется «Как исправить единицу». (Дети читают стихи из сборника).

Все книги Наволочкина – добрые, весёлые, точно такой же и писатель – добрый и весёлый, очень любит детей и дарит им свои повести, стихи.

В 1987–1988 год на страницах журнала «Дальний Восток» увидела свет новая повесть Н. Наволочкина «После дождика... в среду» – о жизни обыкновенного Приамурского посёлка.

В предисловии к сборнику рассказов Николая Дмитриевича «После дождика... в среду» Михаил Асламов написал: *«Эти герои близки и понятны, поступки их вызывают смех и сочувствие. Они готовы помочь в беде и посмеяться над незадачливым соседом. Добродушные легководышки любят свой посёлок. Обаятельные личности, даже пьяницы, включая петуха-алкоголика, тоже «добрые внутри», как поётся в известной песне».*

Маститый писатель, Николай Задорнов, прочитав сборник, поспешил выразить автору своё признание: *«Пишу под сильным впечатлением от прочтения присланной Вами книги, грустно правдивых, трогавших меня до слёз повестей. В них нет ничего лишнего, и чист Ваш язык...»*

Жизненный опыт, особенно воспоминания о войне, позволили Наволочкину обратиться к «серьёзной, взрослой» прозе. «Шли радисты» (1988) – это повесть о боевых товарищах, таких же радистах, каким он сам был на войне – парнях и девушках, принявших на свои плечи ответственность за судьбу родины. Военная новелла

о радистах одного фронтового взвода охватывает полуторагодовой период войны, с февраля 1943 года по июль 1944-го. Читая фронтовую повесть, не можешь оставаться равнодушным к судьбе маленького солдатики Катюшки, отчаянной приисковой девчонки Дорки, полюбившей комбата и оставшейся с ним до их смертного часа в окопах плацдарма; видишь, как вчерашние мальчишки – Ленька, Нури, герой, от имени которого ведётся рассказ, набираются мужества, опыта, как крепнет их дружба. Хорошая, чистая повесть «Шли радисты». О человеке на войне и повесть «Жди ракету».

Им подготовлен и опубликован сборник стихов о войне «Обратная связь». (Звучат стихи из сборника).

Таланту Наволочкина присуще удивительное свойство пробуждать читательскую влюблённость в героев. Может эта влюблённость рождается от того, что в каждом из его героев – частица души самого писателя, его фронтовой юности, его безмерное уважение к тем, кто погибал, честно и неуклонно исполняя свой солдатский долг.

Вся жизнь Николая Дмитриевича связана с литературным творчеством. Но не только с собственным. Как вспоминает он сам: *«За несколько лет работы редактором, а затем главным редактором Дальневосточного книжного издательства я с удовольствием готовил к печати книги прозаиков, поэтов, краеведов, особенно – историков».*

При этом – неутомимая научно-исследовательская деятельность, и как результат – книги о Г. Невельском, необычной судьбе декабриста А. Луцкого, о подвигах первостроителя города Хабаровска капитана Я. Дьяченко. Среди них – «С кем поменяться судьбой», «13-й линейный батальон и его командир», «Главное дело капитана Дьяченко», «По особым поручениям» – о судьбе известного исследователя Дальнего Востока Г.И. Невельского и будущего генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова. Последняя в 1997 году была отмечена премией губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства.

Любовь к истории привела писателя к увлечению нумизматикой: ведь монеты и бумажные ассигнации, бонны являются кроме основного своего назначения ещё и своеобразными следами политических бурь, потрясавших человечество. Заинтересовавшись монетами чжурчженей, он скоро перешёл к целенаправленному сбору – коллекционированию денежных знаков, имевших обращение на

Дальнем Востоке в годы гражданской войны и ДВР. В результате – книжка-исследование «Дело о полутора миллионах» (1969), очень полюбившаяся читателям, ещё одна грань разностороннего таланта писателя.

Французский писатель Бальзак считал, что хорошо написанный исторический роман стоит больше, чем курс истории. Это относится и к роману Н.Д. Наволочкина «Амурские вёрсты». Ни одно из его произведений не было востребовано так, как исторический роман о линейцах Дьяченко. «Амурские вёрсты» в конце прошлого века выдержали четыре переиздания: в 1974, 1977, 1978, 1983 годах. Первые два вышли в Хабаровске, причём общим тиражом 105 тысяч экземпляров! Сейчас такие баснословные тиражи дальневосточным авторам могут только сниться...

Толчком послужило торжество по случаю столетия города Хабаровска, широко отмечавшееся в крае в 1958 году. Основание города, выбор места произведены по указанию губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского, но город-то строил не граф, а кто-то другой. Кто? Как? В печати было упомянуто имя командира 13-го Сибирского батальона капитана Дьяченко. Он со своими солдатами-линейцами возвёл первые дома Хабаровки. Кто он? Почему его имени нет на картах Приамурья, хотя всяких других имён – заслуженных и незаслуженных – в названиях населённых пунктов немало. Опять скрупулёзное изучение истории, записок современников великого дела – закрепления Амура за Россией, поиски в архивах. Работа неторопкая, но длительная, и в результате – исторический очерк «13-й линейный батальон и его командир», а вскоре и другой, тоже явившийся своеобразным предпольем романа – «Декабрист Михаил Бестужев на Амуре». Эти два очерка явились тем исходным материалом, уже обобщённым, из которого началась вязь романа «Амурские вёрсты». (1974). Написанная на документальной основе, книга рассказывает о заселении и освоении Приамурья в 1857–1859 гг., о тяжком труде солдат-линейцев, закладывавших по Амуру первые селения.

В журнале «Дальний Восток» (№ 5, 2007) опубликован «Дневник памяти» писателя. Детство, юность, Великая Отечественная, послевоенный Хабаровск, встречи с самыми разными людьми, размышления о сегодняшних днях. В «Дневнике памяти» отразилась не только судьба нашего талантливого земляка, в нём запечатлена судьба Приамурья – противоречивая, но прекрасная.

Творчество писателя включает более двадцати произведений различных жанров. Он продолжает писать стихи, много работает для детей. Не оставляет и активную общественную деятельность, сотрудничая со многими региональными и российскими изданиями. Являясь лауреатом премии имени Якова Дьяченко, неумоимо пропагандирует литературные и исторические знания. Писательский труд Н.Д. Наволочкина отмечен двумя орденами «Знак почёта».

В 2008 году за большой вклад в развитие литературы Дальнего Востока наш земляк награждён почётным знаком Правительства Хабаровского края «За заслуги» имени Н.Н. Муравьева-Амурского. С мая 1995 года Николай Дмитриевич «Почётный гражданин города Хабаровска». Имя Николая Дмитриевича Наволочкина было присвоено Николаевской поселковой библиотеке ЕАО в 2007 году и Хабаровской краевой детской библиотеке в 2012 году.

Коренной дальневосточник, Николай Дмитриевич с детства впитал краски и запахи неповторимой дальневосточной природы, познал душу своего народа, обрёл основы характера, здесь почувствовал непреодолимое желание выразить своё мироощущение посредством стиха. Видимо, поэтому в его книгах – и для взрослых и для детей – так много любви к земле дальневосточной.

Раздел 2 «Страна Биробиджан»

Из истории выпуска альманаха «Биробиджан» и формирования еврейского литературного центра в ЕАО

О.П. Журавлева

Еврейская автономная область – один из субъектов Российской Федерации. В ней отразилось решение национального вопроса, создание еврейской автономии. В Биробиджанском проекте не только воплощались идеи национально-государственного строительства, земельного устройства трудящихся евреев, но и решались задачи формирования центра советской еврейской культуры.

В послевоенные годы руководство страны приняло меры по оказанию помощи автономии. Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 апреля 1946 г. «О мерах помощи обкому ВКП(б) Еврейской автономной области в организации массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» предусматривалось издание в Биробиджане альманаха на еврейском языке. Вслед за этим 31 мая 1946 г. бюро обкома приняло постановление «Об организации областного издательства и издании альманаха» и присвоении литературно-художественному и общественно-политическому альманаху названия «Биробиджан». Перед утверждёнными на бюро обкома редколлегией и ответственным редактором Н. Фридманом была поставлена задача: выпустить первый двойной номер (1-2) к 15 июля 1946 г., обеспечив высокое качество материалов и полиграфического исполнения. Альманах «Биробиджан» на еврейском языке должен был выходить 4 раза в год (ежеквартально) объёмом в 6 печатных листов и тиражом 5000 экз.

В создании произведений об области, в том числе и для будущего альманаха, участвовали как местные авторы, так и приглашённые еврейские литераторы. Среди них был известный еврейский советский писатель С. Гордон (1909-1998). Он уже жил продолжительное время в Биробиджане в 1930-х гг., написал о строительстве ЕАО серию очерков для газеты «Эйникайт» («Единение»), книгу рассказов о первостроителях «Патриоты» (1936 г.). В июне 1946 г. С. Гордон снова посетил область, чтобы собрать материал для второй книги. В 1947 г. были написаны «Биробиджанские старожилы».

В том же 1946-м в Биробиджан приехал на постоянное жительство старейший еврейский советский писатель, переводчик Б.А. Слуцкий (1877-1949). Б. Слуцкий дружил с директором Киевского института еврейской пролетарской культуры при Украинской Академии наук И.И. Либербергом (впоследствии председателем облисполкома ЕАО). Вместе они подготовили к печати несколько учебных пособий по изучению идиша. Прозаик, поэт, переводчик, автор многих публикаций по истории еврейского языка. В Биробиджане Б. Слуцкий работал заведующим отделом еврейской культуры в областном краеведческом музее, вёл передачи на идише в областном комитете по радиовещанию. Работал над историческим романом о жизни еврейского народа.

2 августа 1947 г. в областной библиотеке им. Шолом-Алейхема состоялась встреча общественности г. Биробиджана с писателем Дер Нистером (Пинхас Каганович 1884-1950). В 1930-е гг. Дер Нистер уже посетил Биробиджан, создал очерки «Биробиджанские мотивы», «С переселенцами – в Биробиджан», репортажи и рассказы. Результатом новой поездки были очерки, репортажи, рассказы о жизни евреев-переселенцев. Печатал свои произведения в альманахе.

В сентябре 1947 г. в Амурзете (районном центре области) был устроен литературный вечер, посвящённый творчеству недавно приехавшего в область советского еврейского поэта И. Керлера (1918-2000). В Биробиджане он работал в газете «Биробиджанер штерн». Журналист, переводчик, возглавлял отдел поэзии, публиковал стихи на страницах альманаха.

Работали над созданием произведений об области и местные авторы. 25 августа 1946 г. на заседании редакционной коллегии альманаха «Биробиджан» писатель Б. Миллер читал свою повесть «Биробиджан». В ней запечатлены картины строительства области, её люди, рассказано об их участии в Великой Отечественной войне. Повесть была напечатана в первом номере альманаха. А с третьей книжкой альманаха к читателям пришла его пьеса «Он из Биробиджана». Её события тоже связаны с Великой Отечественной войной, с переходом к мирному строительству. Пьеса вошла в репертуар Биробиджанского еврейского государственного театра им. Л.М. Кагановича. Она же стала поводом для ареста Б. Миллера. Её посчитали проявлением националистических настроений автора.

Как бы там ни было, писательских талантов разного масштаба для создания произведений о Биробиджане и автономии было достаточно. Хватало и фактического материала для его творческого преобразования на страницах альманаха. Однако его издание осуществлялось с трудом. Выше отмечалось, что первый двойной номер альманаха должен был выйти в середине июля 1946 г. Но и полгода спустя выпуск не был готов. Об этом говорит следующий факт. Спустя некоторое время после августовского постановления ЦК ВКП(б) (1946 г.) и доклада А. Жданова состоялась V областная партийная конференция (январь 1947 г.) Её сквозная тема была связана с усилением руководства идеологической работой. Но наряду с этим говорилось и о необходимости издания альманаха, его особом значении не только для области, но и для страны. По всей видимости, первый сдвоенный номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Биробиджан» на еврейском языке увидел свет весной 1947 г. (хотя выходные данные на издании 1946 г.) Если до войны литературно-художественные журналы и альманахи на еврейском языке выходили в Москве, Минске, Киеве и в Биробиджане, то в 1948 г. альманах «Биробиджан» оставался единственным в Союзе литературно-художественным изданием на еврейском языке.

В связи с чем, на 10 мая 1947 г. было назначено в Союзе советских писателей обсуждение 1-2 номера альманаха «Биробиджан». Бюро обкома приняло решение командировать для участия в назначенном обсуждении в Москву писателя Б. Миллера. При Союзе советских писателей существовала в те годы постоянная комиссия для непосредственной связи с областными писательскими организациями («Комиссия по областным литературам»). В мае 1947 г. на заседании этой комиссии был заслушан отчёт Б. Миллера о работе группы писателей ЕАО (Биробиджанская группа еврейских писателей в то время насчитывала семь прозаиков и поэтов: Б. Миллер, И. Эмиот, Г. Рабинков, Б. Слуцкий, С. Боржес, Л. Вассерман, И. Бронфман). На обсуждении было отмечено, что одно из основных достоинств альманаха заключается в том, что в нём отражена специфика Биробиджана, ЕАО и её строителей. В качестве основных трудностей в работе была названа острая нехватка квалифицированных переводчиков с еврейского языка, что затрудняло участие еврейских писате-

лей в журнале Хабаровского края «Дальний Восток».

В 1947 г. вышел третий номер альманаха «Биробиджан». Но выпуск альманаха был сопряжён финансовыми трудностями. Облispолком принял 3 июля решение «обеспечить до конца года выпуск не менее двух номеров альманаха «Биробиджан». В этом номере опубликованы произведения биробиджанских авторов. Кроме уже названной пьесы Б. Миллера «Он из Биробиджана», очерк Л. Вассерман о первостроителях «Четвёрка», поэтические произведения Х. Мальтинского, И. Бронфмана, И. Эмиота. После посещения Биробиджана И. Фефер опубликовал цикл стихов «Начало». И.С. Фефер (1900-1952). В 1936 г. уже приезжал в Биробиджан. Творческим итогом его знакомства с областью стал поэтический сборник «На Дальнем Востоке». А также напечатаны стихи И. Керлера, Д. Гофштейна. Опубликованы воспоминания Б. Слуцкого о Менделе Мойхер-Сфорима (псевдоним основоположника еврейской литературы на идиш, писателя Я.А. Шолом, его имя носил колхоз в Октябрьском районе области).

Начавшаяся в 1948 г. «война с космополитизмом» прямым образом коснулась судеб творческой интеллигенции области. 17 марта 1948 г. было принято постановление бюро крайкома ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в парторганизации ЕАО». 27–28 марта 1948 г. состоялась VI областная партийная конференция. В отчётном докладе первого секретаря обкома ВКП(б) были отмечены серьёзные недостатки во всей идеологической работе. В стране уже были ликвидировано издательство «Дер Эмес», закрыта газета «Эйникайт», распущены объединения еврейских писателей в Москве, Киеве, Минске. В названных городах уничтожены еврейские театры. Закрыты альманахи на еврейском языке – московский «Геймланд» и киевский «Дер Штерн».

Волна репрессий достигла Биробиджана не сразу. Ещё в начале мая 1948 г. было проведено отчётно-выборное собрание Биробиджанской группы писателей, секретарём которой в течение восьми лет был Б. Миллер. Группа писателей реорганизовалась в литературное объединение писателей. Было избрано бюро объединения, его ответственным секретарем стал ответственный редактор альманаха «Биробиджан» еврейский советский поэт Х.И. Мальтинский (1910-1986). Его творчество стало известным ещё до войны (тогда

вышло около 10 книг стихов, рассказов, пьес для детей и юношества). Мальтинский участвовал в Великой Отечественной войне. Был репрессирован.

В 1948 г. успели выйти в свет четвёртый и пятый номера альманаха «Биробиджан». С четвёртого выпуска альманаха стал органом объединения советских писателей ЕАО. В этом номере были представлены девять биробиджанских и шесть еврейских советских поэтов, писателей, критиков, живущих в Москве и на Украине (практически все они будут репрессированы в следующем, 1949 г.) Самым значительным произведением номера стала поэма Х. Мальтинского «Иосиф Бумагин». Её герой – бывший стахановец биробиджанского обособленного завода, повторивший на исходе Великой Отечественной войны подвиг Александра Матросова и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Стихами были представлены в альманахе И. Эмиот, И. Бронфман, Л. Вассерман, И. Фефер, Г. Каменецкий, А. Платнер, М. Риант. Из прозы были напечатаны глава из нового романа еврейского писателя Х. Меламуда «Беспокойный характер», посетившего в 1948 г. Биробиджан Х.Г. Меламуд (1907-1993), автор романов, повестей, очерков, участник Великой Отечественной войны. А также новелла киевского писателя Г. Полянкера «Шмая-разбойник» и очерки хабаровской писательницы Ю. Шестаковой «Там, где шумела тайга». Альманах включал статьи А. Фадеева и Е. Гельфанда памяти выдающегося мастера советской сцены С.М. Михозлса, рецензии на книги Д. Бергельсона, П. Тычины, М. Альбертона и И. Эмиота, информацию о работе Биробиджанского государственного еврейского театра им. Л.М. Кагановича. Завершался номер песней композитора С. Рабунского на слова И. Бронфмана.

Декабрьский, пятый (и, как оказалось, последний) номер альманаха по иронии судьбы открывался публикациями памяти А.А. Жданова, далее шли статьи секретаря обкома ВКП(б) З. Бродина, председателя областного планового отдела М. Миневича, врача Я. Миценгендлера, посвящённые Еврейской автономной области. Проза была представлена новеллами Г. Рабинкова «У кедра» и «Взглядом постороннего». Центральное место в альманахе отводилось новой поэме Х. Мальтинского «Двойре» и стихам Л. Квитко. Альманах вышел в дни тридцатилетия комсомола, и это нашло от-

ражение в его тематике. Комсомолу посвятили свои стихи И. Эмит и И. Бронфман. В рубрике «Люди нашей области» увидели свет очерки Б. Миллера, Х. Меламуда, Л. Вассерман, В. Любиной. Раздел «Критика и библиография» знакомил читателей с рецензиями на произведения Э. Казакевича, И. Рабина, А. Вергелиса, М. Ройтмана. Завершался номер корреспонденцией Х. Шмаина «С киноаппаратом по Еврейской автономной области».

В 1949 г. область готовилась к юбилею. 15 марта бюро обкома приняло решение «О мероприятиях по подготовке к проведению 15-летия ЕАО». В их числе ещё планировалось к 25 апреля выпустить юбилейный номер альманаха «Биробиджан», несмотря на то, что вопросы ассигнований невозможно было решить (финансирование альманаха так и не было утверждено).

Тем временем в стране шли репрессии. В 1949 г. были арестованы признанные мастера еврейской литературы. В тюрьме умерли И. Нусинов, Дер Нистер, Б. Слуцкий. Были расстреляны 12 августа 1952 г. П. Маркиш, Д. Гофштейн, Л. Квитко, И. Фефер, С. Персов, Д. Бергельсон.

Сгущалась политическая обстановка и в ЕАО. 25 июня 1949 г. ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об ошибках секретаря обкома ЕАО т. Бахмутского и председателя облисполкома т. Левитина и о задачах областной партийной организации». В области проводился ряд решений, в большинстве своём они касались творческой общественности. Так, бюро обкома рассмотрело «Дело Б.С. Мейлера, Г.Б. Рабиноква, Н.М. Фридмана».

В июле прошла VII областная партийная конференция. На ней отмечалось, что «пущены на самотёк важнейшие участки идеологической работы – газета «Биробиджанер штерн», альманах «Биробиджан», областной радиокомитет, газета «Биробиджанская звезда», краеведческий музей и др.» В итоге в 1949 г. был закрыт последний и единственный на тот момент альманах на еврейском языке – «Биробиджан». Все его ранее изданные номера – изъяты. Этому нашлось простое объяснение: «у нас в области для издания альманаха пока нет базы, ни читательской, ни, тем более, писательской».

Всего с 1946 по 1948 г. вышло пять номеров альманаха «Биробиджан». 17 сентября 1949 г. Главлитом был утверждён приказ обллита ЕАО № 7 от 10 августа 1949 г. «Об изъятии из библиотек

общего пользования и книготорговой сети альманаха «Биробиджан» с 1946 по 1948 г. Началось изъятие облитом всех номеров альманаха из отдела еврейской литературы областной библиотеки, из переселенческого отдела, Амурзетской районной библиотеки, из книготорговой сети. Уцелевшие по каким-либо причинам издания в результате последующих чисток фондов были изъяты и уничтожены. В настоящее время автором обнаружено только восемь книжек альманаха «Биробиджан» в фондах областной универсальной научной библиотеки им. Шолом-Алейхема, областного краеведческого музея, архива краеведа Е.И. Кудиша, Дальневосточной государственной научной библиотеки и государственного архива Хабаровского края.

С наступлением политической оттепели в 1956 г. был поставлен вопрос о восстановлении еврейской культуры. Еврейский культурный деятель Х. Сулер предложил проект восстановления еврейской культуры в СССР, который был рассмотрен на заседании бюро обкома. Проект предусматривал восстановление еврейских издательств, еврейских театров, издание еврейских газет, созыв конференции еврейских деятелей культуры страны. В списке семидесяти еврейских писателей были названы и биробиджанские авторы Г. Рабинков, Б. Миллер, С. Боржес, Л. Вассерман, Н. Фридман. Были реабилитированы многие безосновательно гонимые журналисты.

В 1957 г. было организовано областное отделение Союза журналистов СССР. Тогда же секретарю обкома ЕАО была направлена докладная записка от редактора газеты «Биробиджанская звезда» Ф. Куликова о создании литературного объединения под руководством Хабаровского отделения Союза советских писателей СССР, при редакции областной газеты «Биробиджанская звезда».

Таким образом, следует отметить позитивную роль альманаха «Биробиджан», который был единственным еврейским, литературно-художественным изданием в стране в послевоенный период. Это издание объединяло творческие силы не только области, но и страны. Просуществовав недолго с 1946 по 1948 гг., тем не менее, альманах сыграл большую роль в формировании на территории области еврейского литературного центра, проложил дорогу к книгоизданию в Еврейской автономной области, создал литературную среду.

«Мы настезь тайгу распахнули, как двери...»

Алла Акименко

До своей звезды...: Эммануил Казакевич

Эммануил Генрихович Казакевич, пожалуй, – самая яркая фигура в биробиджанской литературе и истории. Дважды лауреат Государственной (Сталинской) Премии, член Союза писателей СССР, «ходячая энциклопедия», сильный характер, человек, умеющий добиваться цели. Он запомнился своим современникам во всём блеске притягательных качеств – отзывчивого человека, остролова, едкого эпиграммиста, собеседника-эрудита, озорника и застольного верховода. О нём писали, что жил он легко и в то же время трудно. Легко писал, легко общался с людьми, но трудность его существования заключалась в постоянно неустроенном быте и материальных недостатках.

На биробиджанский период его жизни выпало всего семь лет, но он оставил здесь незабываемое впечатление о себе. Он приехал в Биробиджан в 1931 году раньше отца с матерью. Вскоре и родители последовали за ним. В Биробиджане отец был назначен редактором газеты «Биробиджанер штерн», избран членом обкома партии, вёл, как всегда, большую общественную работу. Генрих (Генах) Львович оказал большое влияние на сына. Он любил Эммануила искренней отцовской любовью без мелочной опеки и был уверен, что сын будет хорошим писателем, но ему необходимо окунуться в рабочую среду. Этого требовало время от каждого «пролетарского писателя». В декабре 1935 года в возрасте пятидесяти двух лет Генах Львович скоропостижно скончался. Известно, что в память о нём в Биробиджане названа одна из улиц. А сын, спустя некоторое время, написал «Письма моему отцу на тот свет». Из них видно, какое огромное место в его душе занимал отец: *«Часто я думаю – сколько умных советов я мог бы получить от тебя, если б у меня при твоей жизни хватило бы ума спрашивать у тебя советы! Но ум приходит слишком поздно. (...) Вообще ты всегда относился к моим произведениям с большой верой в меня и может быть недостаточно критически. Спасибо тебе за это, отец... Ты твоим глубоким пониманием*

помог мне сохранить веру в себя. И кроме этого «педагогического» смысла, может быть ты был таки прав в твоём хорошем мнении обо мне? Но этого я ещё сам не знаю – это видно будет позже».

Мать Эммануила Казакевича – Евгения Борисовна – умерла вслед за мужем через полтора месяца. Оба они похоронены в наших суровых краях. Что известно биробиджанцам об их могилах?

Листая старые газеты и воспоминания об Эммануиле Казакевиче, удивляешься масштабу его личности, который уже проявился, когда ему было только девятнадцать. Сегодня, пожалуй, каждый школьник знаком с воспоминаниями Любы Вассерман, как во время их прогулки по первой улице на станции Тихонькой Эммануил читал наизусть Гейне «Ткачи», сонеты Шекспира, отрывки из «Мцыри» Лермонтова: *«И даже было немножко непонятно и удивительно, когда же этот худощавый юноша в очках и длинной шинели успел овладеть этим богатством!»* С тех пор минуло немало лет, и теперь невольно задаёшься вопросом: «Среди современных компьютерозависимых его ровесников есть ли подобные интеллектуалы?»

В Биробиджанской областной научной библиотеке очень серьёзно подошли к празднованию юбилея писателя и не только изучили каталоги и картотеки с именем Казакевича, но и пролистали все местные газеты за годы его пребывания в Биробиджане – а вдруг что-то упущено! Библиотекарь читального зала Светлана Земляникина обнаружила уникальные документы. Один из них – стихотворение поэта в «Биробиджанской звезде» 1937 года к выборам в Верховный совет СССР.

В нём фотографически отражено время, люди, их имена, населённые пункты области – в общем, наша история. Предлагаем вашему вниманию отрывок из него:

Голосуй уверенно и гордо
За того, чья верная рука
Уголь рубит, бьёт врагов рекордно –
За шахтёра Павла Черпака.
Чьим упорством край таёжный вспахан,
Кто прославился стахановским трудом,
Наш достойный кандидат Гольдмахер.
За него свой голос отдаём.
Сталина уверенное слово:
За Лишнянскую колхозницу «ура».
Блюхерово, голосуй за Кропачева.

Сухарева выбирай, Бира!
Кандидат Смидовичей достойный
Александр Вологин – машинист.
Тише сердце!
Радостно и знойно
Этот день взметнулся птицей ввысь!

Сотрудник нью-йоркского университета США Геннадий Эйстрах писал в одной из своих статей: *«Для историка советской литературы посредственный писатель может представлять большую ценность, чем большой литературный талант. Ибо в слабых произведениях «идеологический каркас» остается зачастую более заметным, чем в шедевре социалистического реализма».*

Хотя в 1930-е годы Казакевич был начинающим поэтом, помнится, он был знакомым с образцами мировой поэзии, и, верно, понимал, в чём сила и слабость поэтического слова. Однако время диктовало ему писать такие произведения, как «12 декабря 1937 г.», «Октябрьские стихи» и т.п. Советские критики осуждали поэтов, ориентирующихся на классику стремящихся к высокому искусству. Великий поэт Маяковский жестоко высмеял «кудреватых мудреек» и «мудреватых кудреек». Это сейчас мы любим цитировать афоризм: «Юмор восстанавливает то, что разрушает пафос». А тогда статья Н. Манфрида о творчестве молодого Казакевича на полном серьёзе называлась «Поэзия высокого политического пафоса» и содержала положительную оценку «целеустремлённости идейного содержания его поэзии». Статья была опубликована в «Биробиджанской звезде» 2 февраля 1938 года. И тоже была недавно обнаружена среди редких документов библиотекарем Светланой Земляникиной.

В своей работе Н. Манфрид подробно разбирает ранние стихи Эммануила Казакевича. Произведение «12 декабря 1937 г.», он отмечает как образец «поэзии высокого политического пафоса». Н. Манфрид в своей статье ставит в заслугу Казакевичу «политически заострённый характер каждого стиха»: *«Он участвовал своим творчеством в кампании по выборам в Верховный Совет СССР».* Манфрид сравнивает стихи Казакевича, вошедшие в сборник «Биробиджанстрой» с последующими его публикациями в журнале «Форпост» и отмечает процесс художественного становления поэта, однако заявляет: *«Но о полной зрелости творчества Казакевича и сейчас ещё рано говорить».*

Манфрид называет Казакевича биробиджанским старожилом

и далее пишет: *«Поэт врос корнями в плодотворную почву советской еврейской государственности, где расцветает с новой силой социалистическая по содержанию и национальная по форме советская еврейская культура, и это придаёт его творчеству особую свежесть и силу, которая сказалась в таких стихах, как «Седьмое мая», «Рождается город» (до нас дошел русский перевод этого стихотворения под названием «Начало» – авт.), и ряде других стихов о Еврейской Автономной области».*

Несомненно, стихи о нашей области Казакевича имеют неопределимую важность для исторического краеведения. Художественное произведение часто может с большей достоверностью воссоздать картину происходящего, чем тот или иной исторический документ. Несмотря на то, что в поэтическом произведении или прозе присутствует художественный вымысел, именно детали описания рисуют наиболее достоверную картину.

Мы видим, что ранние стихи Казакевича – чистейший госзаказ. Время требовало выполнения таких заказов, и, по словам Н. Манфрида, *«он отзывался темпераментными, лирическими стихами на события нашей великой сталинской эпохи».* Позднее Казакевич, подавляя внутренний спор о том, стоит ли браться за госзаказ, писал: *«Я сам дал себе госзаказ и ничего худого не вижу в этом. Моцарт и Рубенс выполняли заказы и делали это прекрасно».* Человеку свойственно искусно находить убедительные доводы для оправдания любых компромиссов.

Именно со сборником «Биробиджанстрой» Казакевич вошёл в Союз писателей СССР. О чём же эта книга? По названиям стихотворений становится понятно, что они посвящены первостроителям нашей области: «Смолокурам», «Дорожным строителям», «Первый трактор», «Сталинфельд» и другие. Этот цикл стихов объединён в сборнике единым названием «Зелёные палатки». Для нынешнего и последующих поколений читателей стихи эти, несомненно, представляют ценность – но прежде всего ценность историческую. Современные биробиджанские поэты взялись за перевод этого сборника стихов – очень уж интересно, как всё это было...

В 1938 году писатель вынужден был оставить город своей первой любви, чтобы вал репрессий не захлестнул и его, как многих наших земляков в ту пору. А по Биробиджану пополз слух, что Эммануил Казакевич, этот комсомольский поэт, яркая фигура, ещё вчера член областного комитета комсомола, арестован при переходе

манчжурской границы как японский шпион. Бернгард Рубен в своих воспоминаниях о Казакевиче пишет: *«Подобный слух мог исходить откуда угодно, даже из самих “органов” для поддержания нужной им степени общественного угара. Возможно, это помогло уцелеть её субъекту – ведь, коли он пойман и арестован, так и ловить более не надо, по крайней мере, в других концах страны».*

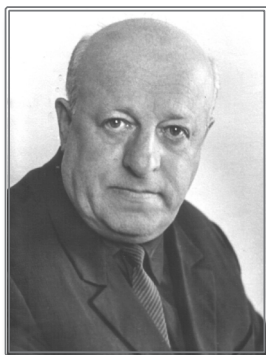
Покинув Биробиджан, какой-то срок его семья пережидала в белорусской деревне, чтобы не ставить под удар родных и знакомых в Москве, а сам он появлялся то там, то тут: вроде бы и не прятался, но и не задерживался на одном месте. Потом, через год, когда Сталин убрал наркома внутренних дел Ежова, Эммануил перевёз свою семью под Москву.

Часто спрашивают: «Биробиджан не забывает Казакевича, а вспоминал ли он о городе своей юности?» Несомненно, и тому много свидетельств. Одно из них – книга стихов «Дорога в Биробиджан», изданная в Москве на языке идиш в 1940 году. Она имеется в секторе национальной литературы, и теперь вместе с другими названными документами тоже оцифрована и сохранена в электронном ресурсе.

Также введена в электронный ресурс и маленькая информация В. Ярмилко, опубликованная в газете «Биробиджанская звезда» 27 августа 1972 года под названием «Альбом из жизни писателя». В ней рассказывается, что члены кружка литературного краеведения областной станции юных туристов Лиина Савич, Аня Ставчанская, сёстры Таня и Люба Коваленко, Таня Гефон, Алик Шапиро и другие под руководством методиста станции В.М. Троян подготовили интересный художественный альбом «Жизнь и деятельность Эммануила Генриховича Казакевича (1913-1962)». В альбоме помещены воспоминания тех, кто работал вместе с Казакевичем: Б.И. Миллера, Д.Л. Шурица, Н.М. Фридмана, Л.Ш. Вассерман и много фотографий. Особый интерес представляют снимки, запечатлевшие строительство театра, парка культуры и отдыха, а также групповой снимок делегатов второго съезда Советов области. Известно, что Эммануил Казакевич был участником этих событий в Биробиджане.

Интересно, где же сейчас этот альбом?

Воистину ты богат!: Борис Миллер

Жизнь дана – я твёрдо знаю,

С честью чтоб её пройти.

Страх презрев, одолевая

Все преграды на пути

писал Бузи Миллер в 1955 году 21 апреля. В свой день рождения он размышлял о жизни, читая Пушкина:

Дар напрасный,

Дар случайный,

жизнь,

зачем ты мне дана?

Вопрос великого классика Миллер взял эпиграфом к своему стихотворению «Жизнь». И ответил на него так: Жизнь дана, как долг высокий,

Выполнить его сумеи:

Свой долг Борис Миллер выполнил сполна. В Биробиджане он прожил 52 года. Вырастил троих детей. Здесь остались его книги, друзья, память о нём, улица, названная его именем. Те, кто знаком с биографией писателя, знают, что дата создания, этого стихотворения пришлась на те горькие семь лет сибирских лагерей, через которые прошли многие еврейские писатели, извлекая «необходимые уроки» и уничтожая в себе «вредные ростки буржуазного национализма». Поэтому «страх» и «преграды на пути» в его жизни были не пустыми словами.

Лагерь, куда Миллера этапировали из Хабаровской тюрьмы, находился в Иркутской области в Ново-Чунке. Известно, что поначалу он работал на лесоповале и в каменоломне, а незадолго до освобождения стал учителем в лагерной вечерней школе. Туда и отправляли свои письма друзья-биробиджанцы Люба Вассерман, Абрам Гершков из мест не столь отдалённых от Ново-Чунки. Чудовищная по своим размахам волна репрессий коснулась и их. Не многие выдерживали лагерный быт, общение с уголовщиной, но Бузи, Люба, Абрам сумели сохранить надежду на «справедливое решение вопроса». А помогало выжить творчество – ниточка, связующая с биробиджанским прошлым, стержень, укрепляющий дух.

Двести стихотворений Бориса Миллера, написанных в те годы, долгие годы хранил в папке известный в городе краевед, орга-

низатор литературного музея Ефим Кудиш. Они нигде не опубликованы. И Ефим Иосифович вздыхал: *«Найти бы денег - издать книгу стихов Миллера, ведь как поэта читатели его почти не знают!»*

Тонкие странички, исписанные карандашом, пожелтевшие от времени. По ним, как по дневниковым записям, можно восстановить годы, проведённые поэтом в ГУЛАГе. В этих строчках – красота сибирской природы, тоска по семье, любовь и признательность жене, и конечно, время, нелепое, неподдающееся человеческой логике, когда люди, оклеветанные, оплётанные, униженные до положения раба, продолжают воспевать своих тиранов.

Миллер обращается к читателям:

Люди!
Не жалейте тех,
Кто погиб, сражаясь, –
Они бессмертны! Жалейте тех,
Кто, пугаясь смерти,
Погиб при жизни для славы,
для чести и для бессмертия...

У Бориса Миллера есть стихотворение, датированное 1950 годом «Вместо венка на могилу друга». В нём скорбь по ушедшему товарищу, которого «измучила судьба» и «смерть стала спасительницей».

Грустные и трагические времена... Бузи Миллер вернулся домой весной пятьдесят шестого.

Я вновь вернулся в, город свой,
Где каждый встречный, как родня,
Где тополь с буйною листвою
Как друг приветствует меня.
Где сколько ни прошло бы лет,
Не гаснет молодой запал
Где так приветлив окон свет,
Что и в разлуке согревал.

Вскоре на книжных полках Биробиджана появляются повести «Ясность», «На полном ходу», роман «Каждому поколению своё», сборник стихов «Светлый источник». Позднее, в 1986 году в Московском книжном издательстве выходит книга «Пока жив человек».

В 1960-е годы в газетах «Биробиджанер штерн» и «Биробиджанская звезда» Б.И. Миллер выступает как литературный и

театральный критик. «Трилогия о Горьком», «Великий сын могучего народа» (о Чехове); «Е.А. Баратынский» (к 110 годовщине со дня его рождения), «Солнечные крупницы» о новом сборнике стихов молодой поэтессы Майи Румянцевой.

Старые газеты. Сколько интересного о людях и о времени таят они на своих страницах! Е.И. Кудиш сохранил и болгарскую газету «Еврейские вести» за 12 августа 1968 года, где на болгарском языке сообщается о пребывании Бузи Миллера в Риге.

Побывав в Латвии, Борис Израилевич сблизился и подружился с еврейскими театральными кругами Риги. А в марте 1975 года в народном театре Рижского республиканского дворца культуры профсоюзов еврейская труппа поставила спектакль Миллера «Чудес не бывает». Эта пьеса, а ещё «Тридцать три богатыря» шли на подмостках и Биробиджанского театра. Судьба же пьесы «Он из Биробиджана» известна многим землякам. Она послужила поводом для начала репрессий в 1948 году.

Спустя много времени за заслуги в области литературы Миллер был награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За доблестный труд».

В областной научной библиотеке им. Шолом-Алейхема хранятся книги писателя, которые время от времени перечитывают биробиджанцы. Но есть особая полочка в секторе национальной литературы – «Из домашней библиотеки Бузи Миллера». Это книги, подаренные Борису Израилевичу писателями разных поколений и в разное время: Максом Риантом, Аврамом Гонтарем, Самуилом Гордоном, Натальей Кончаловской.

Однажды в областном краеведческом музее мне довелось познакомиться с удивительным экспонатом – открыткой от Ривки Рубинной, адресованной Миллеру, на которой значится обратный адрес: Москва, Верхняя Масловка... Вспомнился рассказ Дины Рубинной «На Верхней Масловке». Порой удивляешься, как связана литература Биробиджана с общероссийским и мировым литературным процессом!

Многие годы Борис Миллер был членом редколлегии единственного в стране журнала на еврейском языке «Советиш Геймланд». Он оказывал большое влияние на развитие еврейской литературы, на творческий ритм многих писателей. Прочитывал рукописи, редактировал, рецензировал, готовил их к печати. Эта работа нашла своё отражение и в надписях на книгах. Григорий

Рабинков на титульном листе своих рассказов «Земляки» написал: *«Дорогому другу... Борису Израилевичу Миллеру, через чьи руки прошли (с большой пользой для меня) все рассказы этого собрания, с пожеланием всего лучшего».*

Невозможно привести здесь все надписи на подаренных книгах, подробно о них писал в газете «Биробиджанер штерн» старейший работник библиотеки Б.Д. Бергер в статье «Рад, что ты есть на свете... Бузи!» Лишь следует сказать, что эти автографы свидетельствуют о большом уважении и любви к писателю, о признании его таланта во всех жанрах литературного творчества. Среди тех, кто оставил дарственные надписи на книгах, была поэтесса Дора Хайкина. Её стихами и закончим юбилейные воспоминания о Борисе Миллере.

Порою мне кажется, что наяву,
Брожу я в разлуке по улице.
Где к сумеркам прячется ветер в траву
И тени деревьев сутулятся.
В омуте неба – месяц-блесна,
Биры ощутимо дыхание.
Когда-то гуляла тут наша весна,
А ныне – воспоминания...
Ах, Бузи, мой добрый
товарищ и брат.
Ты, наконец, богат!
Письменный стол одинок,
как вдовец,
Лампа огнём не согрета,
Но множество юных
и добрых сердец
Запомнили улицу эту.
Видишь, ступени подъезда сейчас
Двоим – наподобие трона,
Минутой им кажется вечера час,
Как все это нам знакомо!
Ах, Бузи, мой старый
товарищ и брат,
воистину ты богат!
Письма летят, словно птиц караван
Манит их берег зелёный

Улица Миллера, Биробиджан –
Адрес до боли знакомый.
И всё же не улица – главное. Нет
Наследство твоё щедрее –
Оставил ты мудрого слова след
В памяти доброй евреев.
Ах, Бузи, мой милый
товарищ и брат,
Как ты богат!
Порою мне кажется, что наяву
Брожу я в раздумье по улице,
Где к сумеркам прячется ветер в траву
И тени деревьев сутулятся...

Из воспоминаний Софьи Миллер об отце

В этом году моему незабвенному папе исполнилось бы 100 лет. Прошло 25 лет, как он ушёл от нас, но воспоминания о нём не только не бледнеют, а наоборот, становятся ярче, и я до сих пор осмысливаю нашу общую с ним жизнь, рассказываю о нём детям и внукам.

Я возвращаюсь мысленно в Биробиджан, в теперь уже далёкие детство и отрочество, в то время, когда был жив папа, и всё было освещено им.

1949 и 1956 – это две даты высечены резцом в моей памяти, в моём сознании. Но мне хочется вспомнить и те события, которые предшествовали аресту папы в 1949 году. Летом 1948 года, когда папу уволили с работы, родители решили всей семьёй (нас было уже трое детей) съездить к родственникам в Москву.

В Москве я стала свидетельницей сцены, врезавшейся мне, 7-летней девочке, в память: мама плачет, кричит, умоляет папу остаться в Москве. Своей женской, материнской интуицией она, очевидно, чувствовала, что возвращаться в Биробиджан нельзя. А папа молча кусал себе пальцы... Вернулись. И началось (началось уже для нашей семьи, а для всей страны продолжилось) то, что сверхгениально описала А. Ахматова в своей поэме «Реквием».

4 июня 1949 года папа уехал в Хабаровск (как позже я узнала – обжаловать своё исключение из партии) и... как в воду канул: не возвратился на следующий день, как обещал, даже не позвонил. Это было очень не похоже на него. Мы не знали, что думать. Мне

приснилось, что мама в длинной белой рубашке стоит у забора возле нашего дома, кто-то прибивает её гвоздями к заборчику, по белой рубашке течет кровь. Снилось ещё что-то страшное, чего я не запомнила. Всё стало ясно шестого июня ночью. К нам пришли с обыском.

А утром прибежал заплаканный Бенгельсдорф, ещё кто-то, и мы узнали, что ночью арестовали писателей, журналистов, актёра Файвиша Аронеса.

И потянулись бесконечные семь лет... В 1949 году мне было всего восемь лет, но я хорошо помню, что вся наша жизнь до 1953 года проходила на фоне ожидания письма – одного в полгода! Мы могли писать чаще, посылать посылки, но оттуда – только одно письмо в полгода. И однажды это письмо не пришло. Мы боялись смотреть друг другу в глаза, я по ночам плакала... Это были самые страшные дни и месяцы из семи лет папиного отсутствия. А письмо, как позже выяснилось, пропало по вине почты.

После смерти Сталина папа мог писать нам чаще. Но прошло ещё долгих три года, пока почтальон тетя Циля (я запомнила её на всю жизнь) принесла нам телеграмму от папы, что он освобождён и через неделю будет дома. Это было в январе 1956 года. Я помню своё тогдашнее состояние: какая-то тёплая волна прокатилась с головы до ног, ноги стали ватными, и если бы я не стояла в этот момент у дивана, то опустилась бы на пол. А через неделю мы встречали папу на Биробиджанском вокзале. Я была уже студенткой 2-го курса педучилища. Я представляла папу по долагерным фотографиям, с которых смотрел на меня молодой, красивый, интеллигентный с умными глазами человек.

Но что я увидела, когда поезд остановился!? Я и сейчас помню это жуткое ощущение, хотя длилось оно одно мгновение: из вагона выбирается сгорбленный, истощённый человек в телогрейке и сапогах, в какой-то нелепой шапке. Первая мысль: «Это не мой отец!» А потом, дома, мы ходили за ним гуськом, все трое его детей, заново привыкали к нему, а он – к нам.

Запомнился ещё один штрих: все эти семь лет у нас дома висела карта, и там мы кружком обвели место его «отсидки»: станция Вихоревка, Братского р-на, Иркутской обл.

О лагерных годах папа рассказывал очень скупое – видимо, хотел побыстрее забыть те адские муки. Как мы узнали от него, он ждал суда, где собирался доказывать, что ни в чём не виновен. Суда

не было. Был приговор, заочно вынесенный так называемой «тройкой»: 10 лет лагерей. И уже не от него, а от мамы, которой он, вероятно, рассказывал больше, чем нам, детям, мы узнали, что однажды во время работы на лесоповале он чудом спасся от падающего на него спиленного дерева. Из рассказанного же папой запомнилось то, как заключённых вели с работы и на работу в окружении автоматчиков и собак, заставляли время от времени ложиться в снег, а в это время из уличных динамиков неслись слова песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Это был верх издевательства и цинизма. И всё-таки папа считал, что отбывал наказание не совсем безвинно. Но этот приговор он вынес себе сам. Он не мог простить себе, что в период репрессий 30-х годов он не понял, что бросают в тюрьмы и расстреливают невинных людей. Но разве нормальный человек, к тому же молодой, мог представить себе, что является свидетелем чудовищных преступлений сталинского режима?

Вскоре папа был реабилитирован. Но лагерные годы наложили отпечаток на всю его оставшуюся жизнь, и, прежде всего, на здоровье. Зато в творческую, газетную жизнь он окунулся с головой: работал заместителем редактора газеты «Биробиджанер штерн», а во время отпусков писал свои стихи, прозу и пьесы на идиш, которому по-прежнему был предан. В связи с этим вспоминается такой эпизод. Вскоре после возвращения папы из лагеря была перепись населения. По подростковому недомыслию я сказала, что родной язык отца – русский (ведь мы с ним говорили на русском языке). Вернувшись с работы, отец очень расстроился и добился, чтобы в графе «родной язык» исправили русский на идиш.

Уже, будучи на пенсии, он писал и правил материалы для литературной страницы «Биробиджанер штерн». Иногда, приходя домой, я заставляла папу хмурым, молчаливым и сразу понимала: он обнаружил ошибки в свежем номере газеты. А это он принимал очень близко к сердцу.

...В последние годы отец часто болел, всё больше времени проводил в больнице. Вспоминаю последний разговор с ним, когда я первый и последний раз видела слёзы на его глазах. Я пыталась уговорить его переехать к нам с братом (увы, уже покойным, светлая ему память) в Хабаровск. Но он сказал мне, что кровно связан с Биробиджаном, что здесь прошла вся его жизнь, человеческая, творческая, всякая... И он хочет остаться в Биробиджане... И он остался

в этом городе... И не знает, (а может быть, знает?), что помнят его не только в Биробиджане, но и в Израиле.

Я безмерно благодарна биробиджанцам за память о моём отце.

Бузи Олевский

Бузи Абрамович Олевский (1908-1941) родился в местечке Черняхов Житомирской области, на Украине. Окончил Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. Он начал печататься в 1925 году. Ещё до окончания Московского пединститута написал несколько рассказов, позже стал одним из авторов сборника «Для сцены», куда вошли рассказы, инсценировки, песни. В 1930-том издал свой первый поэтический сборник «Рост».

Олевский приехал в Биробиджан в середине тридцатых годов человеком высоко-образованным, окончившим литературный факультет МГУ и аспирантуру МГПИ. К тому времени он уже отслужил действительную службу в армии.

Писатель Илья Гордон пишет об Олевском такие строки: *«После армии была учёба в аспирантуре, а затем, после защиты кандидатской диссертации, поездка в Биробиджан, где он стал работать ответственным секретарём журнала «Фортост», издававшегося на языке идиш».*

Дальний Восток пленил Олевского необозримыми просторами, чистотой и прозрачностью своих таёжных рек, многоцветьем лугов и размахом полей, суровой прелестью тайги. Всё это не могло не найти и нашло отражение в его творчестве. Но более того вдохновили поэта новые отношения меж людьми, которые складывались на этой не знакомой для его народа земле. Именно здесь родились стихи, ставшие сегодня хрестоматийными в еврейской советской поэзии».

В Биробиджане Бузи встретился и со старым знакомым, сказавшим своё веское слово в его первой книге, Давидом Бергельсоном и обрёл новых друзей и единомышленников.

Поэтесса Люба Вассерман писала в своих воспоминаниях:

«Теперь, когда я постарела, когда голова моя стала тяжёлой, а чувства – светлее, когда печаль об ушедших годах прекрасной юности поселилась в сердце – я хочу рассказать о друзьях моей молодости и восстановить образы тех, с кем я корчевала тайгу и прокладывала первые тропинки на биробиджанской земле.

Одним из многих был Борис Олевский, черноволосый, начинающий сидеть в свои 25 лет молодой человек... Это было в 1935 году. Мы ехали на грузовике в Амурзет. По Амуру гуляли холодные зимние ветры, но Олевский, казалось, не замечал этого. Он что-то бубнил себе под нос, а уже после, в Амурзете, читал нам стихи, родившиеся в кузове «попутки». Они заканчивались так:

*Мы настежь тайгу распахнули, как двери,
В счастливое завтра счастливой земли».*

Олевский много ездил по земле биробиджанской. По его стихам этого периода можно проследить географию его поездок. Хинган и Амурзет, старые казачьи сёла – Никольское и Благодословенное, вновь народившиеся Бирофельд и Валдгейм. Он описывает свои встречи с рыбаками и лесорубами, охотниками-промысловиками и хлеборобами. Но особенно много пишет о пограничниках.

Самым близким из его друзей в это время стал юный Эммануил Казакевич. Он писал тогда стихи и работал над романом в стихах о жизни евреев-переселенцев.

Бузи Олевский в Биробиджане проживал по соседству с Эммануилом Казакевичем, который писал о друге своей юности: *«Мы с Олевским два года жили в одном доме в Биробиджане, на Дальнем Востоке. Не один десяток километров исходили и изъездили мы вместе по таёжным дорогам Приамурья.*

Я не видел человека более любознательного, чем Олевский, более настойчивого в познании мира. Бывало, он не отойдёт от дерева, пока не узнает, как оно называется. Он таскал с собой осколки разных горных пород, чтобы узнать, когда будет возможность, какие это породы. Но больше всего его занимали люди. Олевский был отличным собеседником и, как никто, умел не только рассказывать, но и заставлял людей говорить, раскрывать душу... он всё время как бы горел тихим пламенем, готовым в любую минуту ярко вспыхнуть, – и вспыхивал при всяком столкновении с несправедливостью, непорядком...»

В 1956 году в предисловии к сборнику прозы Б. Олевского «Ося и его друзья», вышедшей в «Детгизе», Эммануил Казакевич,

ставший к тому времени известным советским писателем, дважды лауреатом Государственной (Сталинской) премии СССР, высоко оценил книгу друга. Он сравнил её с «Гекельберри Финном» Марка Твена и «Мальчиком Мотлом» Шолом-Алейхема. Но таких лестных слов о себе Бузи Олевский не читал и уже не прочтёт никогда...

Когда началась Великая Отечественная война, Бузи Олевский пошёл воевать за Родину. Предчувствуя скорую, уже видимую его поэтическому оку, схватку с фашизмом, он писал:

Когда со всех концов несутся плач и вой,
И пять шестых земли жжёт ужас огневой –
Понятно мне, что я не от порока сердца
Умру, а лишь от пули роковой
В последней битве.

На войне он был командиром пулемётного взвода. Но не «в последней битве» умер он, как предсказывал, а в первый год войны погиб смертью храбрых на Смоленщине, отбивая вместе со своими бойцами-пулемётчиками очередную атаку фашистов.

Он прожил всего 33 года, не успев в полной мере раскрыть свой талант, не успев осуществить свои творческие замыслы.

Сын играет мелодию...: Серго Бенгельсдорф и Люба Вассерман

Биробиджанская поэтесса Любовь Вассерман в яркую пору своего счастливого расцвета написала стихотворение «Сыну», в которое вложила всю красоту, силу и нежность материнского чувства:

Люблю тебя кормить я утром,
мальчик мой!..

Ещё в твоих глазах – лишь первый отблеск света,
Но сна уж нет – и кровь поёт во мне самой,
Приливом свежих сил и нежностью согрета.
И реет тишина – прозрачна и легка,
Когда склонюсь к тебе я в трепете счастливом,
И алый ротик твой, как лепесток цветка,
Опять к моей груди приникнет торопливо.

Мне так легко с тобой, привольно и светло,
 Дыхание твоё сочнее винограда,
 Твой взгляд – как песня для меня, твоё тепло
 Во мне – как вешний сок, животворящ и сладок!..
 Когда впервые ты меня узнал, любя, –
 Зажглись твои глаза, чтоб никогда не гаснуть.
 И в первый раз тогда, взяв на руки тебя,
 Увидела я мир в твоей улыбке ясной. (пер. А. Гая)

Своего первенца и единственного сына Серго Люба принесла из роддома в двухэтажную деревяшку, что, ещё недавно, стояла по улице Ленина и значилась под номером 17.

Наш бывший земляк Валерий Кац, в начале 1990 года эмигрировавший в Израиль, в своём рассказе «Мой город» вспоминал этот дом и дорогих его сердцу соседей: *«На улице Ленина невольно прибавляю шаг. Там между гостиницей и почтой есть дом, тоже двухэтажный и деревянный, но родной наш дом. Кого он только не помнит: поэтессу тётю Любу Вассерман, когда-то давно она серьёзно спрашивала меня, почему умирают цветы... И дядю Мишу Бенгельсдорфа – режиссёра еврейского театра.*

– Валерик, – напоминал он, – спеши читать «Люди, годы, жизнь», запретят ведь, не успеешь.

А мы с друзьями тогда стрелялись Бабелем, цитировали Евтушенко «Братскую ГЭС». И вообще уже был опубликован «Один день Ивана Денисовича».

– Дядя Миша, сегодня другие времена.

Он мудро смотрел:

– Другие времена в России могут наступить в любой день».

Чувство страха тех лет, затаённой обиды на власть (они говорили «мелухэ»*), чего-то несостоявшегося сохранилось в их поколении до конца.

В секторе национальной литературы областной научной библиотеки хранится пожелтевшая газетная вырезка. Это давняя публикация письма Серго Бенгельсдорфа, в котором он сообщает, что его мать, советская еврейская поэтесса Любовь Вассерман, всю свою сознательную жизнь прожила в Биробиджане, и лишь после смерти его отца Мойши Бенгельсдорфа, он перевёз её, тяжелобольную, в Кишинёв, где она умерла 67 лет от роду.

Её судьба, схожа с участью и других прозаиков и поэтов –

* государство

Бузи Миллера, Григория Рабиноква. Они стали жертвами сталинского террора – арестованы и сосланы в сибирские лагеря.

Мама Серго никогда не рассказывала сыну, что писала в лагере стихи. Но, спустя много лет, перебирая её архив для подготовки мемориального сборника в издательстве «Советский писатель», он обнаружил старую, потрепанную тетрадку с какими-то карандашными каракулями. А когда начал читать, то плакал над каждым её стихотворением. *«Я передаю эти стихи газете «Биробиджанер штерн», постоянным автором которой была мама до последних дней ее жизни, газете, постоянным автором и подписчиком которой является и её сын... С. Бенгельсдорф».*

Ниже на газетной странице под общим названием «Благословляю жизнь» опубликованы стихи Любви Вассерман на русском языке: «Моя поэзия», «Мой дом», «Кораблик», «Снегопад», «Внучка». Здесь почему-то не отмечено, кем сделан их литературный перевод этих произведений, но по сборнику стихотворений «Благословляю жизнь», изданному Хабаровским книжным издательством в 1987 году, можно установить имя переводчика – Виктор Соломатов. Ему принадлежит поэтический перевод и другого стихотворения Любы, посвящённого её сыну. Оно называется «Сын играет мелодию»:

Всплески крыльев, цветенье сада
Властно входят в мысли мои.
Небо звонкое дышит прохладой –
Сын играет «А нигн»*...
Зорь дыхание в том напеве
И улыбка светлых сердец...
Помню – песни иные пели,
Предо мной встаёт мой отец.
...
Пронеслись, пролетели годы.
Уж сама я матерью стала.
Это сын мой играет сегодня –
Песню солнца, ветра и стали.
В этих звуках я слышу песню
О счастливом, лучистом детстве.
Песня просится в поднебесье,
На земле этой песне тесно.

Прошло время, и сбылось предвидение Любы Вассерман, что

* мелодия

песня её сына распространится... Музыка и слово её Серго, действительно, зазвучали по всему миру.

3 марта 2012 года Серго Бенгельсдорфу, заслуженному деятелю искусств Республики Молдова исполнилось 75 лет. По образованию он пианист, учился оперной режиссуре в аспирантуре. Опытный музыкант и педагог, он широко известен и как автор множества статей, напечатанных в Молдове, России, США и Израиле. Около четверти века занимается возрождением еврейской культуры – постоянным выпуском радиопрограмм «Идиш лебн» («Еврейская жизнь»). Он выступал с ними в Москве, Санкт-Петербурге, Риге, Черновцах, Алма-Ате, Одессе, Берлине, Париже, в Израиле, Швеции и США. Для многих биробиджанцев незабываемы визиты Серго Бенгельсдорфа и в наш город с такими программами, а также его участие здесь в трёх Международных фестивалях еврейской культуры и искусства.

Недавно он прислал свою книгу «Жизнь в еврейской культуре», изданную в Кишинёве. На титульном листе надпись: «Редакции «Биробиджанер штерн» – дорогой мне газеты – на добрую память от автора-земляка и патриота Биробиджана».

Добротная полиграфия и дизайн книги вызывают уважение к изданию. Более чем на трёхстах страницах автор повествует о родном городе Биробиджане и своих незабвенных родителях, вместе с городом давших ему еврейское начало. О его главном учителе – профессоре Ленинградской консерватории Исааке Давидовиче Гликмане. О его собственной жизни в еврейской культуре и его концертной деятельности. Благодаря упорному многолетнему труду, Серго Бенгельсдорф, по образному выражению профессора Гликмана, превратился «из обслуживающего исполнителей критика в обслуживаемого концертанта».

Несомненно, особый интерес наших земляков вызывает первая глава «Мой Биробиджан». Это и наши воспоминания детства, наша история, о которой мы ещё не всё знаем. Эта глава открывает многие личные подробности семьи Любы Вассерман и Михаила Бенгельсдорфа и малоизвестные сведения о национальной политике государства относительно Биробиджана. На её страницах читатель находит ответ на вопросы: откуда у человека из еврейской семьи такое странное имя Серго или почему столь непродолжительные временные рамки существования Биробиджана (всего 75 лет!) наполнены чередованием уничтожения еврейской культуры и её воз-

рождения? Почему фраза автора: «В Еврейской автономной области евреев осталось незначительное меньшинство, а с началом массовой эмиграции в Израиль Биробиджан стал почти «юденфрай»^{*}, – режет слух даже неевреям?

Но главное, чем ценна книга, – это любовью и трепетным отношением автора к своему городу детства и к людям, чьи пути когда-либо совпадали с его жизненными орбитами. Здесь названо много имён, известных более и менее, и каждым из них автор очень дорожит, искренне восхищается чужим талантом и гордится таким знакомством или дружбой. Это качество, редко встречающееся у творческих людей, позволяет оценить и масштаб личности самого Серго Бенгельсдорфа.

«Кому улыбается “еврейское счастье”?» – так названа одна из глав его книги, где автор рассуждает: *«Так что же это – еврейское счастье? Находить и терять, терять и находить? А может быть, оно заключается в любви – любви, которую нам завещали наши библейские праотцы, – к близким, к семье, детям, внукам».*

В книге собраны статьи, написанные разными авторами о профессиональной деятельности Бенгельсдорфа. В одной из них доктор искусствоведения Изольда Милютинa пишет: *«С. Бенгельсдорф видит свою задачу достаточно широко. Он не только выучивает с молодыми певицами, проявившими интерес к еврейской музыке, текст, музыкальный и словесный, идишский (признаём, что это не просто человеку, для которого этот язык совсем нов), но помогает проникнуться ментальностью еврейской души».*

Эти слова ассоциируются с воспоминаниями Валентины Лежниной, одной из участниц давней постановки спектакля «Зямка Копач» в Биробиджане, о том, как режиссёр этого спектакля Михаил Бенгельсдорф – отец Серго – работал с ней, единственной актрисой-нееврейкой в коллективе народного театра. Как диктовал ей на идише каждое слово её роли, а она записывала их русскими буквами и пыталась освоить их правильное произношение. До сих пор хранит в своём сердце Валентина Филимоновна выученный текст на идише и незабвенные ощущения еврейской ауры в этом театре, а также воспоминания о необыкновенно талантливом человеке Михаиле Бенгельсдорфе (ученике самого Соломона Михоэлса!), в равном совершенстве владеющем языками: и русским, и идишем. Несмотря на то, что с тех пор минуло немало лет, Валентина Филимоновна

^{*} зачищенный от евреев

продолжает свою творческую деятельность: ведёт драматический кружок в биробиджанской школе № 11 и готовит детей к участию в конкурсах чтецов на языке идиш...

«А те семена, которые посеяли мои незабвенные родители, проросли и дали свои плоды», – так заключает Серго Бенгельсдорф свою главу «Биробиджанский народный театр».

Книга Серго Бенгельсдорфа «Жизнь в еврейской культуре» щедро иллюстрирована фотографиями разных лет, которые знакомят читателей с дедом автора, отцом матери – Шамаем Вассерманом. Родителями в дни их прекрасной молодости и в скорбные времена репрессий: «После маминого возвращения из лагеря. 1956 год», их последний совместный снимок. Внуки у памятника Любви Вассерман на кишинёвском кладбище. Главный учитель в жизни Серго – профессор Исаак Гликман вместе с композитором Давидом Шостаковичем, 1954, 1958 гг. И. Гликман с В. Баснером, Е. Мравинским, более позднее фото с М. Ростроповичем. Молдавский круг общения Серго Бенгельсдорфа: Мария Биешу, Эмиль Горовец, Борис Сандлер, Ирина Мишура, Злата Ткач, многие другие. Фотографии его творческих поездок по странам. Одна из них – «На юбилее землячества в Беэр-Шеве, Израиль, декабрь 2001 г.», где Серго Бенгельсдорф запечатлен рядом с бывшим биробиджанцем, Давидом Вайсерманом, автором книг «Как это было?» и «Биробиджан. Мечты и трагедии». Все эти снимки – свидетельство настоящей любви Серго Бенгельсдорфа к нашему городу, близким и дальним людям, к Её Величеству – Музыке.

Биробиджан Тевье Гена: к 100-летию писателя

Последнее время в Биробиджане незаслуженно редко вспоминают еврейского писателя Тевье Гена. Здесь уже не осталось людей, знавших его лично, а то о чём он писал, может быть, видится не очень актуальным, как и вся советская литература. Однако интерес к его имени и произведениям не должен иссякнуть, как не истощается тяга к познанию нашей истории.

Он из XX века. Принадлежит когорте первых литераторов, ступивших на биро-

биджанскую землю, когда она ещё не приобрела статус Еврейской автономной области, а была лишь их мечтой, впоследствии описанной и увековеченной. Цикл его рассказов «В Биробиджане» детально восстанавливает события далёких лет и состояние души тех, кому здесь улыбалось счастье.

Тевье Григорьевич Ген родился в 1912 году в местечке Шадовоб Паневежского уезда Ковненской Губернии. Во время Первой мировой войны его семья переехала из Литвы на Украину в город Мариуполь. Там Тевье окончил индустриальный техникум. А в 1931 году в журнале «Красный мир» напечатал свой первый рассказ «Плохой день», и с тех пор его произведения систематически публиковались почти во всех еврейских периодических изданиях Советского Союза. Вместе с Борисом Миллером, Эммануилом Казакевичем и Гиршем Диамантом Тевье Ген принадлежал харьковской молодёжной литературной группе «Птичье молоко». С ними же, после окончания Московского еврейского Государственного пединститута, он оправился на Дальний Восток и до 1936 года работал в Биробиджане в газете «Биробиджанер штерн».

В этот период его творчества, а точнее, в 1932 году, в московском издательстве «Литература и искусство» вышла в свет его первая книжка на 88 страницах «Новеллы». А в 1941-м, когда Тевье Григорьевич уже перебрался в Москву – расширенное издание новелл в «Дер эмес», затем, через три года, там же увидела свет его «Уцелевшая тетрадь».

Когда бывшего биробиджанца Арона Вергелиса назначили главным редактором единственного еврейского журнала в СССР «Советиш Геймланд» («Советская Родина»), он приглашает стать членом редколлегии испытанного друга своей юности, талантливоего литератора Тевье Гена. Работа в составе редколлегии побуждала его почти ежегодно, с 1961 по 1991, на страницах этого издания публиковать свои романы и повести, рассказы и очерки. Из «Библиографического указателя» в журнале за 1981 год можно узнать названия некоторых произведений писателя, напечатанных в «Советиш Геймланд». Это романы «В родном городе» и «Наше время», рассказы «Простая история», «Скульптуры на песке», «Старая любовь», «Тевье и Голда», эссе «Московские еврейские писатели в профиль», «Арье Давыдович» и другие. Заметим, что восемь книг на еврейском языке и три на русском, а также журнал «Советиш Геймланд» в полном комплекте хранятся ныне в секторе национальной литера-

туры Биробиджанской областной научной библиотеки.

Будучи уже маститым писателем, по командировке журнала «Советиш Геймланд», спустя почти 29 лет, Тевье Ген возвращается в Биробиджан взглянуть на родные места. Он привозит с собой свою свежеезданную в московском издательстве книгу «Скромные люди» – повести и рассказы, которые сам же и перевёл с еврейского на русский. Встретившись с другом юности Борисом Миллером, Тевье Григорьевич подарил ему эту книгу с автографом на родном языке: *«Дорогой Бузя – золотой писатель, дорогой друг и любимый товарищ. Вспомним высказывания Давида Гофштейна о том, что никогда нельзя забывать старую дружбу, зарождённую в юные годы, она служит до конца жизни. Время лучше всё проверяет. Я вспоминаю тебя как лучшего друга, рад, что есть на земле Бузя Миллер. Я желаю тебе и твоей семье здоровья и счастья. Прими мой подарок. Тевье. 27/I-63».*

Результатом этой командировки и биробиджанских встреч стала книга «Годы далёкие, годы близкие», а точнее, её глава «В Биробиджане». В ней Ген собрал рассказы о разных временах Биробиджана: от распределения по районам области первых переселенцев, прибывших на станцию Тихонькая в тридцатые, до начала шестидесятых, когда уже были отстроены посёлки Найфельд и Валдгейм, да и город Биробиджан приобрёл неузнаваемый цивилизованный облик.

В новелле «Отъезд» автор рассказывает о том, как местные власти встречали первых переселенцев у белого одноэтажного здания, известного в новом городе как «Переселенческий пункт»: *«Выехать предполагалось в восемь утра, но лишь в девятом часу отъезжающим начали выдавать телогрейки и валенки, затем ещё прошёл битый час, пока столовая всех накормила и выдала сухой паёк на дорогу. Одним словом, было около двенадцати, а машины ещё не тронулись с места.*

Шофёры – трое молодых рослых парней – уже неоднократно заводили моторы и каждый раз, заглушив их, осаждали заведующего переселенческим пунктом Кленского, шумно доказывая ему, что становится поздно, и что нельзя отправляться в дорогу под вечер с таким “грузом”.

Среди отъезжающих, к тому же, случилась свадьба. И лишь после того, как они “сбежали в ЗАГС”, молодожёнов поместили на первую машину, в самую середину кузова.

С треском, оставляя позади синеватый дымок, машины рванули с места. Заведующий переселенческим пунктом Кленский вытер пот со лба. Все-таки отправил, будет теперь Амурзетская МТС со своим механиком...»

Первые моменты зарождающихся посёлков подробно описаны в рассказе «Письмо», когда Матвей Гальперин – переселенец из местечка Хашевата – снял первый урожай со своего фруктового сада. Он расхаживает по всем четырём улицам посёлка и с гордостью показывает встречным взращённые им плоды – немного слив, яблок и вишен. Доярке Юлии Шлифман в знак особого уважения Матвей даёт не одну, а две сливы и яблоко в придачу и понимает, что его сердце уже тоже принадлежит этой женщине. Они вместе ждут письмо от её мамы, и, когда Юлия получает долгожданное послание, собирается написать маме о нём – сильном, высоком парне со светлым лицом и глазами, чьё имя она произносит вслух, чувствуя удовольствие.

В рассказе «Почтальон» повествуется о том, как стремительно рос город, *«один за другим воздвигались новые дома, и всё полнее становилась у Иоэля почтовая сумка. Надписей на дверях ещё не было, все жители были новыми, и пока он находил нужный адрес, приходилось бегать с одного этажа на другой и стучать в десять дверей. А тут ещё номера старых домов перепутывались с новыми»*. Но секретарь горсовета сказал ему: *«С нумерацией разберутся позже. Главное строительство, а номера приложатся»*.

Историческую ценность представляют собой воспоминания Тевье Григорьевича, их забавные подробности, о скульпторе Яне Мильчине, авторе памятника Ерофею Хабарову, что стоит на привокзальной площади краевого центра, и барельефа Шолом-Алейхе-ма, установленного в областной научной библиотеке. Ян Мильчин в те далёкие времена работал художником в редакциях газет «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер штерн».

«Был он тогда ещё совсем молод и очень худ, огромные чёрные глаза горели на бледном лице. Его руки с длинными пальцами никогда не знали покоя. Он рисовал, вырезал, высекал, лепил. Бумаги у него хватало, глины и камня – тоже, но не было такого в то время дефицитного материала, как линолеум. Маленький, тихонький Мильчин как-то узнал, что в кабинете председателя райисполкома пол покрыт этим драгоценным линолеумом, и он зачистил к председателю на приём, каждый раз унося от него чуть ли не тайком

полоску желанного сокровища. Хозяин кабинета долго терпел, пока в сердцах не сказал: «Ладно, чего уж там резать кусочками, забей-рай всё сразу». Вот тогда и стали появляться в газете гравюры Мильчина, одна за другой...»

Современные Биробиджанцы в уверенностью считают, что наш городской парк – это сохранившийся уголок дикой природы. И с большим сожалением наблюдают, как стремительно он редет в наши дни. Вряд ли помнят старожилы такое, чтобы, как теперь, из центра парка сквозь густые первозданные заросли можно было бы разглядеть Сопку и посёлок Партизанский за Бирой. Но Тевье Ген открывает нам завесу прошлого: *«Вечерами мы гуляли в парке. Собственно парка никакого не было: деревьев в спешке вырубili больше, чем нужно, – потом на месте бывшей тайги пришлось заняться озеленением».*

Неожиданное удивление вызвали у него, первопроходца этих мест, перевоплощение Обозного завода – корпуса Дальсельмаша и посёлок имени Бумагина.

С большой теплотой Ген описывает семью Иосифа Бумагина, где ему довелось побывать, едва сдерживая волнение и учащённое сердцебиение. Знакомство с женой героя Евгенией Моисеевной, дочерью Клавдией, внуками Ниночкой и Аликом.

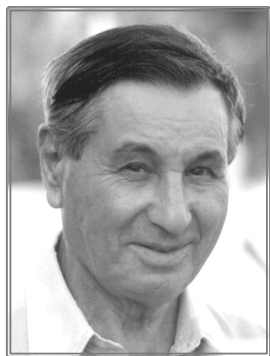
Визит на Трансформаторный завод не вызвал у него никаких воспоминаний. Тогда его просто не было, как и улицы, что теперь тянется вдоль железнодорожного полотна. Только некоторые имена рабочих звучат для него знакомо... *«Марек Миллер – слесарь. Невольно вспоминается первая книжка его отца, писателя Бузи Миллера, она называлась «Смена за сменой». В детском саду я видел сына Марека – Сашеньку. Когда мать пришла за ним, он так разгулялся – понёсся в своей шубёнке по коридору, ожидая, чтобы его ловили. Мать обещала пожаловаться отцу, но никакого впечатления её слова не произвели на Сашу. Тогда она пригрозила, что расскажет деду, и озорник захлопал в ладоши:*

– Хочу к деду! К деду!

Сашенька – третье поколение биробиджанцев...»

Две книги на русском языке Тевье Гена имеются в Университетской библиотеке в Иерусалиме: «Стальной ручей» (Роман. – М., «Художественная литература», 1980) и «Первый заработок» (Рассказы. Пер. с евр. Лилии Ген. – М., «Детская литература», 1984).

Поэт Макс Риант

Макс Карлович Риант родился в 1923 году в Саратове. В 1931 году в восьмилетнем возрасте, вместе с родителями он приехал в Еврейскую автономную область. Семья поселилась в с. Валдгейм. Здесь он окончил семь классов, а в летние каникулы, как все сельские парни, трудился на колхозных полях. Отец Макса, возил на подводе в город молоко, и острые на язык биробиджанцы называли его «Тевье-молочник». Позднее Макс напишет одноимённое стихотворение, которое критики назовут одним из лучших.

Когда семья переехала в город, Макс продолжил учёбу в биробиджанской средней школе № 2. Еврейскую литературу там преподавал учитель, закончивший Московский государственный еврейский педагогический институт, Борис Израилевич Миллер. Это он привил не только Рианту, но и всем остальным учащимся любовь к классикам еврейской литературы: Шолом Алейхему, Менделе Мойхер Сфориму, Перецу Маркишу, Давиду Бергельсону, Лейбу Квитко, Ицику Феферу...

Журналист Шнеер Коник вспоминал: *«Я учился с Риантом в параллельном классе. Борис Израилевич организовал литературный кружок. Удачные стихи, рассказы публиковались в рукописном литературном журнале, печатались на страницах областной газеты «Биробиджанер штерн». Пальму первенства в этом важном деле держал Макс. Он частенько выступал со своими стихами по областному радио».*

В 1938 году было опубликовано его первое стихотворение.

Когда в июне 1941 года ему исполнилось 18 лет, его призвали в армию, а 22 июня началась Великая Отечественная война.

Известный биробиджанский краевед Ефим Кудиш до конца своих дней кропотливо собирал документы, связанные с творчеством всех литераторов области, мечтая создать литературный музей. В его запасниках были стихи и другие записи Макса Рианта. В газете «Биробиджанская звезда» Кудиш пишет: *«Давайте перелистаем его фронтовой блокнот. В стихах «22 июня 1941 года», «Орёл», «Маршавая рота» автор повествует о своём участии боях на Курской дуге, за освобождение Воронежа, Орла, Польши, Чехословакии.*

Молодой поэт был ранен. Об этом мы узнаём из стихотворения «В госпитале». Скорбил поэт по погибшим боевым друзьям».

После демобилизации Риант окончил Хабаровский пединститут. Одно время был строителем, его помнят на комсомольской работе.

Но его влекла поэзия, журналистика, поэтому в 1949 году он пришёл работать в областную газету «Биробиджанер штерн» и оставался там до 1956 года. Стоит заметить, что это были самые трудные для еврейской культуры годы. В 1957 году он перешёл в радиокомитет, где работал почти одиннадцать лет. В это время особо проявляется его поэтический дар. Читатель тепло встречает его стихи: «Весна», «Лето», «Вечер в степи», «Сентябрь в лесу».

В 1965 году в Москве выпустили антологию современной еврейской поэзии «Горизонты», в которую вошли стихи молодого поэта Макса Рианта.

В августе 1981 года еврейский журнал «Советиш Геймланд» отмечает своё двадцатилетие. В юбилейном номере опубликованы и стихи биробиджанца Макса Рианта.

В 1987 году московское издательство «Советский писатель» выпускает первый сборник стихов Макса Рианта «Большие миры».

Спасибо за июльский зной
И за декабрьский лютый холод.
Валдгейм, я мысленно с тобой,
Я полон сил и снова молод!

Эти поэтические строки вводят нас в «Большие миры» Рианта.

Строящийся Валдгейм был всегда в его сердце:

Детство милое в отдалении,
Ты шагаешь всегда со мной:
Дальний край, золотое время
И Бира в стороне лесной.
Ты в глазах моих и в ладонях,
И в груди я тебя несу.
О, Валдгейм, деревянный домик,
Не затерянный в том лесу.
И доселе в мире окрестном
Живы радость моя и пыл –
Под громовый тайги оркестр
Звонкий хор топоров и пил...

А через год выходит книжка его рассказов «Поезда прибыва-

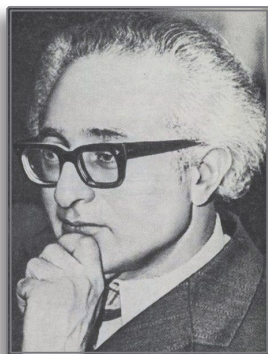
ют вовремя», редактором которой стал Арон Вергелис.

Биробиджанский композитор Роальд Васильев написал песню на стихи Макса Рианта.

Его современники помнят Макса весёлым и жизнерадостным, но какая-то глупая история спровоцировала его отъезд из Биробиджана. В автобусе, когда они возвращались с выезда на сельхозработы, нашли неоплаченный кочан капусты. Макс Риант достойно прожил свою жизнь, но этот казус, как заноза засел в его душе. В 1970 году Риант сначала уехал в Самарканд, потом в 1995 году в Израиль. В 2003 году в Тель-Авиве вышла его последняя книга «Глазами моего сердца». В Израиле ему присвоили звание «Почётный гражданин города Бней-Аша». Там, под Иерусалимом, Макс Риант и скончался.

Я всё, как дар, беру на плечи: Хаим Бейдер

Как будто совсем недавно встречался нам на улицах Биробиджана немолодой человек с пышной седой шевелюрой и пронизательным взглядом из-за толстых очков в роговой оправе... Он работал в газете «Биробиджанер штерн» и часто прогуливался от редакции до гостиницы, где первое время жил с женой, пока не получил отдельную квартиру. Коллеги звали его тогда Ефим Владимирович.

Хаим Бейдер, о котором идёт речь, жил в Биробиджане в начале семидесятых. Он писал стихи на идише, дружил с биробиджанскими поэтами, в том числе с молодыми Лёней Школьниковым, Витей Соломатовым, Толей Кобенковым, Олей Ермолаевой, Илюшей Ревичем, и мечтал выпустить свои поэтические сборники на идише. Их выход предполагался ещё в 1941-м и 1948 годах. Но сначала из-за войны, а потом из-за пресловутой борьбы с буржуазным национализмом издать свои стихи в книжной форме ему тогда не удалось.

С тех пор прошло уже не одно десятилетие... Я держу в руках эти долгожданные книги на идише – сборник стихов «Новоселье», изданный в Москве в 1979-м, и вышедший два года спустя сборник очерков «Широкие просторы». Теперь они хранятся в секторе на-

циональной литературы областной универсальной научной библиотеки. Есть в наших фондах и сборники его стихов в переводах на русский язык: «Близкие дали» (Хабаровск, 1984) и «Моя погода» (Москва, 1985).

Произведения Хаима Бейдера, как и других биробиджанских писателей-идишистов регулярно публиковались на страницах областной газеты «Биробиджанер штерн», печатались в книжных издательствах. Ещё одним местом встречи биробиджанских литераторов был выходивший в Москве журнал на идише «Советиш Геймланд» («Советская Родина»). По настоятельному приглашению бессменного редактора журнала Арона Вергелиса в 1973 году талантливый поэт Хаим Бейдер переехал в столицу и стал работать в этом уникальном журнале.

Несмотря на свой переезд, Хаим Вольфович сохранил преданность Биробиджану, периодически сюда возвращался, встречался с читателями в областной «научке», дарил главной библиотеке автономии свои книги. На их титульных листах он оставлял свои автографы: *«Дорогим Гутмахе-рам и Гецайтерам с любовью. 30.08.87», «Библиотеке г. Биробиджана от автора. Х. Бейдер. 8.10.90 г.»*

Живя в Советском Союзе, Хаим Бейдер издал в общей сложности девять поэтических сборников. Он – автор и научный консультант около 1000 статей о еврейских писателях в российской еврейской энциклопедии, член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации (1981).

Творческое наследие Хаима Бейдера огромно и многогранно. В областной библиотеке хранятся не только его стихи и очерки, но и детские книжки автора, сборники еврейских пословиц и загадок на идише, еврейская азбука в картинках, изданные в Москве в 1990 году. В 1982 году Хабаровским книжным издательством был выпущен яркий, красочный, выразительный, первый в послевоенном СССР «Букварь на языке идиш», а через семь лет – «Книга для чтения для учащихся начальной школы на языке идиш». Вместе с группой авторов в работе над ними активное участие принимал и Хаим Бейдер.

Он был настоящим хранителем еврейской культуры, относился к тем людям, которым слова «идиш – мёртвый язык» причиняют почти физическую боль. Он всегда считал, что идиш ещё не сказал своего последнего слова и делал всё возможное, чтобы язык продолжал жить.

На полках сектора национальной литературы в библиотеке бережно расставлено полное собрание журналов «Советиш Геймланд». В этом московском журнале Хаим Бейдер работал сначала заведующим отделом, а потом заместителем главного редактора. На страницах «Советиш Геймланд» периодически публиковались поэтические произведения Хаима Бейдера; его статьи о поездках к читателям, о биробиджанцах, о жизни и творчестве великого писателя Шолом-Алейхема, этюды о еврейских писателях, которые уже потом, после смерти автора, Киевский институт иудаики выпустил на русском языке отдельным изданием.

Бейдер откликался на самые разнообразные события. На любой вопрос по еврейской истории и культуре он, не задумываясь, давал ответ. Его редакционный кабинет был буквально завален старыми книгами, рукописями авторов единственного в СССР журнала на идише, но Бейдер всегда моментально находил нужную ему – одну из сотен – папку.

Рассказывая о сложной судьбе журнала, Хаим Бейдер уверенно говорил: «История «Советиш Геймланд» будет написана. 300 томов – это событие в истории еврейской культуры. И не только отечественной.

Для меня и для многих читателей важно знать об отношении Шолом-Алейхема к Герцлю, к сионизму, к идее самостоятельного еврейского государства, к ивриту. Никаких сведений обо всём этом нет ни в одном из советских изданий произведений писателя, книгах или статьях о нём. Даже в шеститомнике (1971), который многие русскоязычные иммигранты привезли с собой в Америку.

В 1996 году Бейдер переехал в Америку. Он жил в Нью-Йорке, где широко публиковался на русском и еврейском языках, руководил старейшим еврейским литературно-художественным журналом «Ди цукунфт», сотрудничал с газетой «Форвертс», он вёл там раздел «Наш литературный календарь». Именно в этой газете через много лет снова сошлись его пути с бывшим редактором «Биробиджанер штерн», а на ту пору главным редактором «Форвертса» Леонидом Школьником.

Хаим Бейдер трудился до конца своих дней. 13 марта 2003 года ему задали вопрос: Чем вы сейчас занимаетесь? Он ответил: *«Я закончил капитальный труд «Лексикон еврейских писателей», он охватывает период с 1917-го по 2000 год. Он включает в себя свыше 500 имён и сейчас переводится в Лейпциге на немецкий язык*

и будет (дай Бог!) издан там в оригинале и на немецком. Параллельно заканчиваю сокращенный вариант «Лексикона» на русском языке. Кроме того, подготовил календарь еврейских писателей...»

Когда у Хаима Вольфовича уже не было сил вставать, он ещё шутил, но о своих планах больше не говорил. Последними его словами были: «Не успел».

7 декабря 2003 года Хаима Бейдера не стало.

Талант писателя был признан в Америке и Израиле: Хаим Бейдер стал лауреатом литературной премии Всемирного конгресса еврейской культуры (Нью-Йорк, 1991) и престижнейшей литературной премии имени Давида Гофштейна (Тель-Авив, 2000).

Сколько бы лет ни прошло с тех пор, как Бейдер покинул наш город, землякам по-прежнему дороги его стихи «Биробиджанский парк», «Пойдёмте, Люба!», «Автобус «Сопка-вокзал», «Закат на Бире», «Дожди всю неделю». А строчки из стихотворения «Первопроходцы» звучат всякий раз, когда город празднует свой юбилей.

Григорий Рабинков

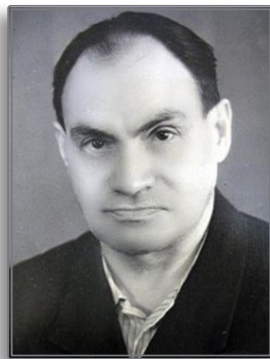
Григорий Борисович Рабинков (1908-1981) родился в местечке Сосница, на Украине. Закончил литературный факультет Московского педагогического института. С начала тридцатых годов постоянно жил и работал в Биробиджане.

Григорий Рабинков начал печататься в 1928 году. Он автор книги «Земляки», многих новелл, рассказов, очерков.

Его сын – учёный биохимик Института Вейцмана в израильском городе Реховот – поделился своими воспоминаниями об отце по просьбе редакции электронного международного журнала в интернет-сети «Мы здесь».

С его слов мы знаем, что в 13 лет Гессель покинул дом деда, где было невыносимо жить. Беспризорничал в Москве. Потом по счастливой случайности нашёл дядю, который приютил подростка. Когда Гессель станет взрослым, назовёт своего сына Аароном, в честь дяди.

В Москве Гессель выучился на каменщика, участвовал в крем-

лёвских постройках, в строительстве Мавзолея. Затем, поступил на рабфак. После рабфака, учился в МГУ, позднее переименованный в Государственный педагогический институт. Там, в Москве, он проявил яркие литературные способности. В студенческие годы активно участвовал в литературной жизни Москвы.

По окончании института был направлен в Биробиджан. Сначала работал здесь в качестве секретаря горсовета, потом стал учителем школы № 2, любимым преподавателем еврейского языка и литературы. В выпускных классах собралась плеяда блестящих молодых людей. Среди них был Арон Вергелис.

В 1937 году начались репрессии. Большинство его наиболее талантливых учеников сгинуло в ГУЛАГЕ. Рабинков перешёл работать в «Биробиджанер штерн».

Его рассказы и повести публикуются в журнале «Форпост». Его пьесу «Руви Бурлес» ставит ГОСЕТ. Завязалась дружба Гесселя Рабинкова с талантливыми актёрами И. Колиным, Ф. Аронесом. Ещё в студенческие годы Рабинков познакомился с Михоэлсом, который очень тепло относился к молодому сценаристу и поощрял его драматургические опыты.

1939 год для Рабинкова стал временем его расцвета. Григория Борисовича награждают орденом «Знак почёта» к 5-летию юбилею области. Поступили предложения вернуться в Москву. Но его не отпустили – кадры были нужны в Биробиджане.

В 1949 году 4 июля Рабинкова арестовали и отправили в Хабаровскую тюрьму. В ГУЛАГЕ ему пригодилась профессия каменщика, он научился быть печником, что облегчило его лагерное существование.

«Почему я не бандеровец и не власовец? Их отпускают, а мы сидим», – писал он из лагеря жене. Там он познакомился с Матвеем Грубияном, Марком Разумным. Он общался со Львом Гумилёвым, оперным певцом Николаем Печковским, который трудился в его бригаде, с писателем Леонидом Соловьёвым (автором Ходжи Насреддина), скрипачём Дульки.

Перед XX съездом Рабинкова освободили и вскоре реабилитировали. Но семь лучших лет его жизни практически пропали. За эти годы жена, оставшись с маленьким сыном без средств существования, свалилась с инфарктом, стала инвалидом.

Идиш и еврейская литература в учебных заведениях уже стали не нужны, и Рабинков стал преподавателем эстетики и истории

искусств на художественно-графическом отделении в педучилище. Там же он преподавал немецкий язык, который знал в совершенстве, и атеизм. На уроках атеизма Гессель Рабинков знакомил молодёжь с иудаизмом.

В 1977 году в Москве, в издательстве «Советский писатель» выходит его книга «Земляки» о Биробиджане, о его работе преподавателем. Это была первая и последняя его прижизненная книга. Всё, что публиковалось ранее, было напечатано в газетах и журналах.

Гессель Рабинков умер 12 мая 1981 года. Последние месяцы он провёл в Москве, где и похоронен.

Через год после его смерти вышел в свет «Букварь» на идиш. Среди авторов (Хаим Бейдер, Шмуэль Сандлер, Арон Вергелис, Нохем Кравец) значилось имя и Гершла Рабинкова. Очевидцы отмечают, что значительную часть материалов для Букваря подготовил именно Рабинков, светлая ему память.

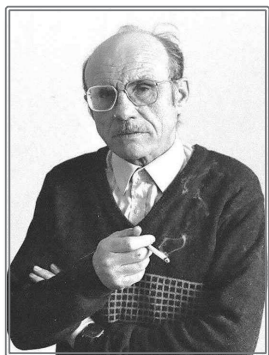
Его жизнь была богата разными событиями, но не очень счастливой, как и у многих еврейских писателей. Однако, венцом Гесселю Рабинкову стал его сын Арон. Он родился в 1945 году, с отличием окончил Хабаровский Государственный медицинский институт. В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию. До 1975 года преподавал в ХГМИ фармакологию. В 1976-77 годах проходил постдокторантуру в институте молекулярной биологии АН СССР в Москве. До 1989 года работал в ведущих биологических и фармакологических центрах Москвы. С 1990 года живёт в Израиле. Если многие другие репатрианты вынуждены подолгу приживаться, осваивать язык и заново утверждать себя в профессии, то Арон Рабинков сразу же, в первый год репатриации начал работу в институте им. Вейцмана в Реховоте по своей специальности. Он автор более 150 печатных работ, более 20 патентов.

Раздел 3 «Необщие слова...»

Поколение шестидесятых

Алла Акименко

«Дороже нет поры в родном пределе...»: Виктор Соломатов

Виктор Иванович Соломатов – широко известный поэт на Дальнем Востоке. Член Союза писателей России, автор пяти книг. Большую роль в литературной жизни Биробиджана сыграли его поэтические переводы с еврейского.

Как всё же быстротечно время! Оно стремительно листает страницы календаря и уносит их, как ветер листья того тополя, что недавно рос на улице Октябрьской под окнами деревянной двухэтажки с магазином «Рыба» на первом этаже. А на втором этаже – тогда, в шестидесятые – в квартире Оли Ермолаевой собирались вместе Лёня Школьник, Толя Кобенков, Витя Соломатов. Читали любимые стихи, спорили, мечтали, доверяли друг другу свои неокрепшие сокровенные строчки...

Мой тополь стынет,
Тополь стонет.
Напрасно ветер ветки гнёт.
Гляжу в подветренную сторону,
Туда, где милый мой живёт, –

признавалась Оля Ермолаева, ставшая позже заведующей отделом поэзии в московском журнале «Знамя». А Витя Соломатов вынашивал в сердце свою «Росинку», так был назван первый сборник его стихов, выпущенный в 1966 году в Хабаровске. Нежно и неизменно звучат строчки из этого сборника: Росинка необъятна, как Россия, / Как Русь моя прозрачна и чиста.

Через некоторое время Соломатов оставил Биробиджан и отправился в дальние края. «Страсть к кочевью всю жизнь меня мучит и гложет...» – говорил поэт о причинах своих путешествий. Хотя в них, пожалуй, скрывались и мотивы личного плана: неудачная женитьба и разлука с первенцем.

У Любви моей нескладно
 Складывалась жизнь.
 То неладно, то накладно –
 Вот и разберись.
 Кинул всё я и уехал
 В дальние края,
 Всем знакомым на потеху
 Жизнь свою кроя.
 А Любовь моя грустила
 И в чужой судьбе
 Платя шила, щи варила,
 Мыла пол, детей растила...
 А жила – во мне!

Как итог его странствий по Северу и Дальнему Востоку в 1977 году вышла в Хабаровске его книга «Кочевье».

Даёшь камчатскую экзотику!
 Покажь пареньские ножи.
 Сиянья северного готику,
 Торосов белые Кижы...
 Так думал я, оставив берег,
 Шагнув за синюю черту.
 И рифмовалось «берег»
 с «Беринг»
 В столичном аэропорту.
 И всё казалось очень мило,
 Тут долго жить не думал я.
 Да, видно, душу мне пронзила
 Навек озябшая земля.
 И не экзотикой цветистой
 (Беда – один в окошке свет!),
 Другим – возвышенным и чистым,
 Чему и имени – то нет!

Михаил Асламов в предисловии к этому сборнику отмечал, что автор «в поэзии не новичок. <...> Эта книга выстраданная, и она получилась». Вошедшее в неё стихотворение – призыв «Тагам!», что в переводе с карякского означает «вперёд», стало символом всей его жизни.

Хочу, чтоб всегда
 Неостывшее слово звучало,

Врезаясь, как выстрел,
В собачий неистовый гам.
Всему есть конец.
У поэзии только начало,
Рождённое властным,
Гортанным призывом: Тагам!

Вернувшись в Биробиджан, он работает в газете «Биробиджанская звезда», несмотря на газетную текучку, пишет стихи, занимается литературными переводами с еврейского. И заслуга Соломатова в переводческой деятельности велика! Благодаря ему русскоязычные читатели познакомились со многими стихами Исаака Бронфмана, Любови Вассерман, Эммануила Казакевича, Бориса Миллера, Генриха Шведика, Сары Вехтер.

В эти же годы он играет в народном театре в постановках Миры Моисеевны Шименко «Женитьба Бальзаминова», «Первый встречный», спектаклях по произведениям А.П. Чехова. Вместе с ним на сцене и Толя Кобенков, который потом станет известным поэтом, а Соломатов посвятит ему свои сердечные строки:

«В тетради общие писать
Необщие слова,
Стихи ночами сочинять,
Себе и близким жизнь ломать –
Кто дал тебе права?» –
Так вопрошает мудрый глас
В ночи бессонной, и не раз.
Наплюй на сей пустой вопрос.
Ты – юн, пышноволоос,
Ещё далёк твой тяжкий воз
От роз, от розг, от слёз...
Ещё ты не перегорел
И значит – не потух.
Пищит цыплёнком во дворе
Твой жареный петух.
Вноси же в общую тетрадь
Необщие слова.
А после будем разбирать,
Кто дал тебе права!

Там, в русском народном театре происходит судьбоносная встреча Виктора Соломатова с Галиной Романовой – голубоглазой,

белокурой Антигоной, образ которой талантливо и ярко она создала в пьесе французского драматурга Жана Ануя. Галина и Виктор, два одарённых человека, не могли остаться равнодушными друг к другу. Они высоко ценили способности друг друга, которыми Бог щедро наделил каждого.

Галина Александровна работала в библиотеке. Сначала в профсоюзной на швейной фабрике, а потом стала заместителем директора областной «науки». И часто включала его в программы библиотечных вечеров и литературных встреч. Особую гордость вызывало звучание пластинки с песней благовещенского композитора Л. Лошмина на стихи В. Соломатова «В городском саду играет» в исполнении Иосифа Кобзона.

Несмотря на «успешное плавание», и его корабль изредка наталкивался на подводные рифы. Как известно, жизнь полна парадоксов и трудноразрешимых проблем. Галина бережно охраняла его репутацию, когда он терял душевное равновесие... Будучи человеком открытым, он не обходил этой темы в своём творчестве, и на страницах газеты появлялись стихи «Почему мужики любят пить в гаражах?» или «Тройняк по почкам бьёт, как Джо Луис...» Осмысление собственной жизни заставляло его задать себе вопрос:

Жизнь проходит,
Я, считай, не жил.
Пояс всё затягивал потуже,
Лез из кожи,
Из последних жил.
Всё тянулся,
Чтоб других не хуже.
И шестой десяток разменяв,
Что имею, так сказать, в итоге?
Воз проблем
И кучу всяких прав.
В том числе и сдохнуть при дороге.
Но живу. Вот даже и пою.
Но всё чаще глас в ночи я слышу:
«Ты на что потратил жизнь свою,
Щедро так дарованную свыше?»

В поэтических строчках подспудно звучит покаяние поэта:

Разожми персты,
Что в горсти?

Помыслы чисты,
Хлопоты пусты,
И на сердце стынь –
Больше ничего.
Только жгучий стыд,
Не теряй его!

Это были годы, когда люди снова начали задумываться о Боге, о вере. Но говорить свободно на эту тему ещё воздерживались. Соломатов всё-таки публиковал свои размышления и духовные поиски. В конце восьмидесятых он занимался литературной страницей в «Биробиджанке», и когда я принесла ему свои стихи о церкви, молитве, покаянии, он напечатал и их. «Три стихотворения» – так называлась подборка к Пасхе. Тогда это было определённой смелостью.

Ещё раз жизнь свела нас на праздновании 65-летия Биробиджана в городском Дворце культуры. Виктор Иванович пришёл на репетицию, сел рядом и завёл со мной разговор об известности, славе, которая, как оказалось, ему и не нужна... Но всё же его часто приглашали участвовать в различных программах. И он, несмотря ни на что, не отказывался. Ему было что сказать. К тому времени у него уже вышли в Хабаровском издательстве ещё два сборника: «Отчество» в 1985 году и «Складень» в 1992-м. Однажды на встрече со школьниками в селе Валдгейм он рассказывал о том, как работал в хабаровской газете «Суворовский натиск» рука об руку с известными в ту пору литераторами Сергеем Телькановым, Анатолием Рыбочкиным, Риммой Казаковой. Голос у него был хорошо поставлен ещё в театре и звучал солидно и впечатляюще. Дети слушали внимательно, да и биробиджанская творческая молодёжь, прибывшая туда вместе с ним, узнавала в нём мэтра.

С особой теплотой и трепетом Соломатов читал стихи, посвященные своему сыну Ивану, его поздней радости и награде:

Я буду тем вознаграждён сполна,
Что тот кораблик детство
Мне напомнит.
И окунусь я в твой
Безгрешный мир.
Тот, где лопатка значится «копаткой»,
Пределом счастья видится пломбир,
Воскресные катанья на лошадаках.
Где карусели весело скрипят

И праздничны поющие качели,
Необъяснимо яблоки хрустят
И ёлки зажигаются в сочельник.

Ванька и Галина Александровна стали главным сокровищем его жизни. В одной из газетных статей Галину назвали «беззаветно преданной ему женщиной». Это действительно так. У неё хватило мудрости стать венцом своему мужу... Да и он оказался ей не менее преданным, потому что, всем своим сердцем любя Россию, решил поехать вслед за женой и сыном в Средиземноморье.

«Из Израиля с любовью» – так назвал Соломатов свою последнюю подборку стихов, присланную в Биробиджан:

Я здесь живу.
Вполне благополучен.
Одет и сыт.
Семья моя со мной.
Наверное, не надо доли лучшей,
Но, Боже мой, как хочется домой,
Услышать бы, как воет
В поле выюга
И брякает шеколда у дверей.
Но я живу под знойным небом юга,
Не коммунист и даже не еврей.

В Биробиджане у Виктора Ивановича осталось немало друзей и поклонников его творчества, кто хотел бы с ним встретиться снова. Галине Усольцевой, известной биробиджанской певице, полтора года назад довелось побывать в Израиле, в Петах-Тикве, где сейчас и проживает Соломатов со своей семьёй. Она поинтересовалась, как можно его найти. Ей сказали, что в этом городе есть маленький Арбатик, типа нашего, биробиджанского, Виктор Иванович каждый вечер выгуливает там своего пуделя. Галина выходила туда всю оставшуюся неделю по вечерам в надежде встретиться со старым другом. И вот, буквально за день до её отъезда, в девятом часу вечера она увидела: бежит пуделёк, рыженький такой, как его и описывали. Она подняла глаза на хозяина собаки. Несколько минут вглядывалась. Он был без очков, как потом выяснилось, недавно сделал операцию на глаза и избавился от близорукости, но по-прежнему сутуловат, с окладистой бородой и почти не изменился.

«Галка! Ты, что ли? – недоумённо воскликнул Виктор Иванович. – Как ты здесь оказалась?» Они безумно были рады встрече

друг с другом! Трудно словами передать ощущение, которое испытываешь в такие моменты. Это чувства, когда после долгой разлуки встречаешь родного человека и когда, пребывая на чужбине, натыкаешься на русского... Огляделись вокруг, куда можно присесть, подошли к скамеечке на Арбате. Там каждое раскидистое дерево огибает скамейка с подобием барной стойки. В течение часа они расспрашивали друг друга и всё вспоминали, вспоминали... Он сказал, что работает, Галя тоже, Ваня хорошо устроен. Читал ей стихи, написанные в Израиле. Истинно:

Когда поэт
Стихов не издаёт,
Не значит это,
Что он их не пишет.
Коли живёт он –
Стало быть, поёт.
Имеющие уши
Да услышат!

Он читал их каким-то непривычно тихим голосом. Она вслушивалась и едва слышала. «Мы живём в двух шагах отсюда, пойдём к нам домой, моя Галя будет очень рада!» – звал Соломатов, но времени уже оставалось только на сборы в дорогу. Утром Усольцева уезжала. На прощание он сказал ей: «Передай в Биробиджане всем привет, я всех помню».

Биробиджанцы тоже не забывают своего талантливого земляка.

«На перекрёстке ярчайших идей...»: Леонид Школьник

Леонид Школьник – человек, которого помнят в Биробиджане, поэт, чьи проникновенные стихи по-прежнему перечитывают.

Он родился 29 сентября 1945 года в Кемерово. Ещё ребёнком приехал вместе с матерью в Биробиджан.

Работать начал на обувной фабрике, затем в газетах «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер штерн». Он возглавлял в Биробиджане областное отделение Союза

журналистов СССР и первое в истории Еврейской автономной области Общество дружбы и культурных связей с Израилем. В 1989-1991 гг. большинством голосов жителей Биробиджана он был избран народным депутатом СССР, членом Совета национальностей Верховного совета СССР от ЕАО, членом межрегиональной депутатской группы (МДГ), в которую входили депутаты А. Сахаров, Б. Ельцин, А. Собчак, Е. Старовойтова и др.

С 1991 по декабрь 1999 гг. Леонид Школьник жил в Иерусалиме, работал в Тель-Авиве редактором ежедневной газеты «Новости недели» и её литературного приложения «Еврейский камертон». А в 1999 г. ассоциацией Forward был приглашён на работу в США, и до ноября 2004 г. работал там главным редактором нью-йоркской газеты «Форвертс» на русском языке. После продажи газеты новому владельцу в марте 2005 г. Школьник создал в США Интернет-газету «Мы здесь». Но затем снова вернулся в Иерусалим и в настоящее время является там владельцем и главным редактором независимого сетевого издания «Мы здесь» (США–Израиль).

Леониду Школьнику доводилось читать лекции в Бар-Иланском университете, в университетах и исследовательских центрах Орегона и Калифорнии.

Он переводил на русский язык стихи таких еврейских поэтов, как Бузи Миллера, Доры Хайкиной, Любы Вассерман, Зиси Вейцмана, Эммануила Казакевича, Ицика Бронфмана, Хаима Бейдера, Мойшы Шкляра и др.

В канун его юбилея я решила написать ему в Израиль письмо следующего содержания: *«Уважаемый Леонид Борисович! 29 сентября с.г. Биробиджанская областная научная библиотека будет праздновать Ваше 65-летие. Те, кому Вы дали первые уроки стихосложения, кто работал с Вами в газетах «Биробиджанер итерн» и «Биробиджанская звезда», кто читает Ваши стихи и восхищается ими, придут к нам в этот день. Надеюсь, Вы по-прежнему считаете своим другом нашу библиотеку и пришлёте нам видеописьмо, чтобы участники этого вечера увидели Вас и услышали».*

И вскоре получила ответ: *«Алла, Вы написали: «Те, кому Вы дали первые уроки стихосложения...» Разве я, Школьник, мог кого-то учить? Давать кому-то уроки? Не я, а меня всю жизнь кто-то чему-то учил. Меня учил Биробиджан поэзии своих улиц, мудрости своих стариков, водоворотам своей непростой судьбы. Меня учили друзья-поэты Люба Вассерман, Ицик Бронфман, Николай Капусто,*

Марат Ратнер, Витя Соломатов, Толя Кобенков, Оля Ермолаева, Марина Смирнова, Илюша Ревич, Витя Шальное, Митя Фельдман.

Меня учили коллеги-журналисты Яков Гуревич, Валерий Панман, Наум Корчминский, Фёдор Фетисов, Абрам Мордухович, Коля Сулима, Миша Шестопалов, Наум Фридман, Леонид Славский, Григорий Мицель. Меня учили лучшие в мире педагоги – Сарра Яковлевна Менис, Клавдия Иосифовна Бумагина, Рахиль Ионовна Мишкова, Иосиф Самойлович Явец, Александр Маркович Шпильман, Фрида Яковлевна Лецинская.

Меня учила библиотека имени Шолом-Алейхема с её читальным залом, а в ней – Борис Давидович Бергер, Юлия Александровна Каляпкина (которая, в нарушение всех инструкций, пускала меня в святая святых – в книгохранилище, к книжным полкам, где я просиживал часами, пытаюсь объять необъятное).

Меня учила сама жизнь, и я вынес главный её урок – при любой погоде оставаться собой. Поэтому сегодня, помотившийся по этой земле, поработавший главным редактором газет в трёх странах, я в который уже раз признаюсь в любви моему Биробиджану – тому, из моей памяти. Он по-прежнему живёт во мне – параллельно существующему, сегодняшнему – город моего детства, первых стихов, первых поцелуев, Биробиджан моей мамы, так и не дождавшейся меня из командировки в Охотск, Биробиджан ушедших моих друзей, Биробиджан той жизни, которая осталась лишь в памяти.

Поэтому спасибо городу, моей библиотеке, моим друзьям Толе Рабиновичу, Саше Драбкину, Тамаре Ильиной, Льву Звенигородскому, Эдику Букринскому, Тане Косвинцевой, за память. Из вечного Иерусалима, от его древних стен и камней – спасибо, дорогие. Помню вас и люблю».

Наша переписка со Школьников, прерванная почти на срок лет, началась ещё в 1973 году, когда он, будучи заведующим отделом литературы и искусства в «Биробиджанской звезде» опубликовал моё первое стихотворение. Тогда мне пришло по почте от него письмо: «Здравствуйте, Алла! Поздравляю Вас с первой публикацией в газете! Мне, правда, пришлось кое-что исправить и сократить, но это беда небольшая. Со временем Вы сами почувствуете и силу, и слабость поэтического слова. Наша с Вами договорённость остаётся в силе: когда литобъединение будет собираться, я сообщу об этом. Желаю успехов! Леонид Школьник. 12 марта 1973 г.»

Это послание тогда меня очень тронуло. Согласитесь, не час-

то сотрудники газет поздравляют своих авторов с первой публикацией.

По приглашению Школьника, я, действительно, пришла на заседание литературного объединения и там познакомилась с Борисом Миллером, Романом Шойхетом, Валерием Панманом, Наумом Фридманом и др.

Подобные воспоминания хранят и другие биробиджанцы. Марина Смирнова, ныне актриса кукольного театра «Кудесник» и театра «Когелет», автор поэтического сборника «Ларец прекрасных муз» однажды принесла мне в библиотеку стихотворение Леонида Школьника, посвящённое ей, ещё десятилетней девочке с тетрадкой своих первых стихов в руках.

Кончились стишки и именины.

Улицы осенние тихи.

Маленькая девочка Марина

Мне приносит первые стихи.

Бережно тетрадку открываю

И сгораю медленно, до тла.

Ты откуда, девочка, такая

Появилась, выросла, пришла?

В городе застенчивом и гулком,

Где, порою спутаны пути,

По каким бродила переулкам,

Чтобы так в поэзию войти?

За строкою строчку повторяю,

Улыбаюсь, думаю, курю.

Ничего о девочке не знаю,

Но иду за ней по сентябрю.

А за нами – листья золотые,

Да всю горланит воронья.

В руки равнодушные, чужие

Не отдам тетрадочку её. (13-14 сентября 1985)

Школьника всегда любил Биробиджан, и всем было не понятно, почему он уехал. Но теперь, когда мы читаем его стихотворение, посвящённое другу Зиси Вейцману причина его отъезда проясняется. Ещё за четыре года до его отъезда он вынашивал это в своём сердце:

Мне нечего терять. Лишь душу и судьбу.

Мне нечего терять. Все короли раздеты.

Когда бы не любовь, я б вылетел в трубу,
– Несбывшийся герой несбывшейся газеты.
Но жалости не жду и гимнов не пишу.
Брожу среди людей и, вглядываясь в лица,
Стараюсь их понять, дыханьем их дышу –
Покуда эта жизнь немыслимая длится.
Я знаю боль беды, со смертью обручён,
И доченька моя всё чаще снится стала.
Мне нечего терять. Лишь горький миллион
Сограждан дорогих из пепла и металла.

(23 ноября 1987)

Вместе со своим предъюбилейным письмом из Иерусалима Леонид Борисович прислал стихи. Наверное, те, которые он желал, чтобы мы прочли на предстоящем вечере. Одно из них посвящено его другу, хабаровскому поэту и журналисту Александру Чернявскому:

Жизнь начинаю по третьему кругу.
Словно с небес приказали: «Дыши!»
Сашке Чернявскому, древнему другу,
Письма пишу из нью-йоркской глуши.
Что рассказать ему, чем похвалиться?
Что накопил за четырнадцать лет?
Встречи, болячки, прощания, лица.
Только вот друга поблизости нет.
Слышишь, Григорьич,
А то б покурили –
так, как когда-то курили с тобой.
Всяко бывало. Без слов говорили
Болью делились, вином и судьбой.
Да, изменились со временем оба.
Да, от Амура неблизок Гудзон.
Только хочу, чтоб не крышкою гроба
Был разговор на двоих разделён.
Вот ты приедешь – устроим фиесту.
Будем и пить, и, как водится, петь.
Знаешь, всему своё время и место.
Ты постарайся, Григорьич, успеть. (2004-2009)

Журналист Александр Чернявский однажды пригласил к себе домой в Хабаровск Леонида Школьника вместе с Надеждой

Желудковой, к тому времени окончившей Московский институт культуры и овладевшей новой методикой в режиссуре. Он побеседовал с ней, а потом написал огромный очерк в «Тихоокеанскую звезду», который ещё стал и основой для радиопередачи на краевом радио. Очерк оказался таким удачным, что Чернявский получил за него премию.

Надежда Петровна Желудкова, ныне заведующая кафедрой режиссуры Биробиджанского областного колледжа культуры до сих пор с теплотой вспоминает эту и ещё одну историю, связанную с Леонидом Школьников. В конце восьмидесятых они вместе в составе правительственной делегации нашего города побывали в Соединённых Штатах, в городе-побратиме Бивертон. У Школьника были друзья в Нью-Йорке и Вашингтоне. Часто он испарялся на некоторое время, и все его искали, а потом Леонид появлялся вместе со своими друзьями.

Однажды произошла такая комическая ситуация. По прибытии в Нью-Йорк им не сразу обменяли наши русские рубли на доллары, в данный момент у организаторов поездки долларов не было в наличии. Все уже проголодались, а на рубли там ничего не возможно купить. И Надежда с Леонидом «провернули операцию». С собой из России они прихватили несколько баночек икры. Вспомнив об этом, отправились в супермаркет с намерением совершить бартер. Благодаря Лёнинуму знанию английского, они предложили икру директору супермаркета. Когда он попробовал, был в восторге, а потом спросил: «А ещё у вас есть?» Они достали ещё несколько баночек и вернулись к своим друзьям с огромными пакетами еды. Им дали столько всякой всячины, сколько вмещалось в руки, и ещё долларов...

Леонид Школьник и Анатолий Сурнин, ректор Биробиджанского пединститута, в совершенстве знали английский, и, благодаря им, биробиджанская делегация, обходилась без американского переводчика.

Когда в 1990-м Школьник навсегда покинул Биробиджан, многие осудили его. Школьник стал персоной поп-грата. О нём замолчали, его имя не упоминали в прессе, его стихи не включали в литературные сборники. Некоторые из осуждавших, уверенные в собственной непогрешимости, уже давно тоже там, в Израиле... Среди присланных Школьниковым стихотворений есть такое:

Кончилось время захвата Бастилии,
Время отказа от жанров и стилей,

Время прикрас и затасканных фраз –
Кончилось.
Или – прикончило нас?
Те, что вчера ещё были друзьями,
Ныне копают прощальные ямы.
Так и живём – среди звонких речей,
Чуя дымок поминальных свечей.
Так почему же я снова и снова
Мучаюсь в поисках древнего слова,
В городе близких и мудрых людей,
На перекрёстке ярчайших идей? (Иерусалим, март 2009)

Леонид Школьник, где бы он ни был – в Биробиджане, Нью-Йорке или Иерусалиме – всегда находится на перекрёстке ярчайших идей... Ныне он открыт к общению, ему можно писать в интернет-газету «Мы здесь», и можно читать его стихи.

«Так трудно этот опыт нажит...»: Римма Казакова

Римма Фёдоровна Казакова! Это имя около полувека остается в ряду первых поэтов России. 27 января 2012 года ей исполнилось бы 80. Моему поколению, родившемуся в пятидесятые, довелось в полной мере оценить её дар. С нашим взрослением креп её талант. Её ценности становились нашим богатством. Её стихи оказали сильнейшее влияние на становление личности моих ровесников, тем более ровесниц. В пафосные и несвободные времена в них звучали не только гражданские призывы,

но и обличения, глубокие философские раздумья. О великом она говорила просто. Критики отмечали «многоуровневую широту её поэтического обзора», а читатели чувствовали в её стихотворениях интуицию женского сердца, нас притягивала к себе камерность её женского взгляда на мир. Она вела с нами интимный разговор о любви и дружбе, верности и материнстве. Её бытовые зарисовки схожи с картинами и нашего быта. (Я полюбила быт за то, / что он наш общий быт, / что у меня твоё пальто / на вешалке висит).

Хорошую поэзию, выдержавшую испытание временем, на-

зывают классикой. Потому что совершенно разные люди, в разные времена узнают в этих строчках себя, свои мысли, чувства, жизненные ситуации. А если это написано ещё и образцовым, добротным литературным языком, то это, несомненно, классика. Так и стихи Риммы Казаковой – метафорически образные, ритмически богатые и разнообразные. В них свежесть художественного восприятия. И почти каждая строчка – афоризм. Слова к своим произведениям поэсса всегда подбирала тщательно.

Биробиджанцам, её стихи дороги не только тем, что написаны мастерски, что в них всё, как у нас, и в быту и в любви, а ещё и тем, что Римма Казакова когда-то сама бродила по нашим городским улочкам и на крыльце Областной библиотеки познакомилась со своей любовью. Был ли это совгаванский лётчик, о котором она вспоминала в некоторых интервью, и сетовала на то, что такие «обычно женились на официантках или библиотечаршах», или это был кто-то другой, сейчас сказать трудно. Люди, которые стали свидетелями давнего события, уже ушли из жизни, а красивую легенду, передали своим детям, что называется из уст в уста.

Римма Казакова жила в Хабаровском крае семь лет. После окончания в 1954 году исторического факультета Ленинградского государственного университета она решила поехать вместе со своей подружкой в дальние суровые края, где дикая природа и романтика севера. Но, выйдя в Хабаровске на привокзальную площадь, увидела женщин на высоких каблуках в крепдешинowych платьях. Эти приметы цивилизации разочаровали искательницу трудностей. Хотела сразу вернуться. Но всё же осталась, как она сама выразилась, «по комсомольской дурости». Её всегда тянуло к горизонтам неизведанным. (Я хочу в далёкие края. / не угомонилась ненасытная, / резвая душа моя транзитная. / Что в чужих краях забыла я?...) Известно, что в жизни не бывает ничего бесполезного. Впечатления от Дальнего Востока воплотились в поэтический сборник. В 1958 году вышла первая книга её стихов «Встретимся на Востоке», и Казакову приняли в Союз писателей.

Живя на Дальнем Востоке, она тянулась в Биробиджан. Эта неведомая страна, как магнит, притягивает к себе всех, в ком течёт хоть капля еврейской крови. В одном из поздних интервью Римма Фёдоровна говорила: *«Я себя считаю русским человеком. Я вспоминаю о том, что во мне течёт еврейская кровь, только когда встречаю антисемитов. Но на самом деле я уже за тем пределом, когда*

всё это не имеет значения». Но в годы её юности, по-видимому, это имело для неё значение, если однажды в кругу московских поэтов открыто прочитала своё стихотворение «Дед похоронен на еврейском кладбище». Тогда такой поступок был определённой смелостью. Зал на стихи реагировал неоднозначно. А один известный поэт сказал ей: *«Зачем ты обнародовала своё еврейское происхождение? Мы-то тебя русской считали».* Ей пришла записка: *«Не удивляйтесь реакции зала. Но это ваша победа».*

Самым любимым человеком в жизни была её бабушка Ольга Самойловна, которую любили все соседи. Они брали у неё отросточки цветов, рецепты «наполеона» или орехов в меду. Римме казалось, что по-еврейски бабушка знала только «а гицен паровоз» и ещё что-то. Когда стихи Риммы перевели на идиш в Биробиджане, она просила бабушку прочесть их, и та читала, водя пальцами по буквам справа налево.

Однажды Казакова услышала песню на идише «Тум-балалайка». «О чём эта песня? – спросила она. Ей дали подстрочник, и она сделала эту песню на русском языке: «думает парень ночь напролёт: ту ли девчонку в жёны берёт?! Можно влюбиться и ошибиться... лучше бы правду знать наперёд!» Потом она перевела «Аидише мамэ», «Аллилуйя», «Чири-бири-бом», «Хава нагилу», песню про ребе Эли Мейлаха и другие. Такова, например, её русская версия песни «Гивейну, шолом-алейхем!»:

Привет душе одинокой
И тишине нежноокой.
В сиянье глаз и поцелуев
Пушай звучит всегда мелодия любви!
Привет вам, шолом-алейхем!
И в этот час и навеки.
Привет всему, что в человеке
Достойно самой лучшей доле на земле!

Когда открылись границы, Римма Казакова ждала приглашения в Израиль. Многие известные, в том числе и звёзды шоу-бизнеса ездили туда зарабатывать деньги. Но она считала себя там лишней. Полагала, что не должна напрашиваться в гости. Тем более, что всем известны её стихи об антисемитизме в том числе и «Уезжают русские евреи»:

Уезжают русские евреи,
Покидают отчий небосвод,

И кому-то, видно, душу греет
 Апокалипсический исход.
 Уезжают, расстаются с нами,
 С той землёй, где их любовь и пот.
 Были узы, а теперь узлами,
 Словно склад, забит аэропорт.
 Что сказать, что к этому добавить?
 Это чья победа? Чья беда?
 Что от них нам остаётся? Память?
 Памятники духа и труда.
 Удержать их, не пустить могли ли?
 Дождь над Переделкином дрожит.
 А на указателе «К могиле
 Пастернака» выведено: «Жид».

В 2005 году поездка, всё же состоялась. Казакова побывала в Телль-Авиве, Ашдоде, Хайфе, Иерусалиме. 16 декабря 2005 года она встречалась в Иерусалимской русской библиотеке со своими читателями и подругами-поэтессами бывшими россиянками двумя Еленами Дымовой и Аксельрод. Это был последний день её недельного визита по линии ПЕН-клуба. Организаторами встречи стали Елена Бергауз и Клара Эльберт. Некоторые песни на стихи, переведённые Риммой Казаковой с идиша и иврита, исполнили её старинные друзья Мария Лукач и Владимир Рубашевский (фортепиано). Как первый секретарь Союза писателей Москвы она рассказывала о сложностях существования её писательской организации, «когда президент любит спорт, Лужков любит артистов, а писателей не любит никто», о снижении спроса на хорошую литературу, о невразумительных текстах песен, когда их пишет исполнитель сам себе. Но, несмотря на все сложности, она говорила, что стихи пишутся, выходят новые книги, идёт работа с молодыми одарёнными писателями.

Через два года после этого события двум биробиджанкам – студенткам Московского Литинститута им. Горького Римме Лавочкиной и Тамаре Ильиной – довелось встретиться с Казаковой в Центральном Доме литераторов города Москвы на заседании её клуба, который она проводила один раз в месяц для всех желающих. Здесь разбирали стихи тех, кто этого пожелает. Поэтесса была строга, не склонна кого-либо хвалить, даже близких. Но, когда Римма Лавочкина прочитала ей своё стихотворение «Я женщина», Казакова слу-

шала очень внимательно...

В середине 2007 года в Биробиджане планировался очередной поэтический фестиваль «Адрес: ЕАО, Биробиджан», и наши землячки набрались смелости и дерзновения пригласить известную поэтессу принять в нём участие в качестве почётного гостя. Казакова согласилась сразу. Более того, пригласила их к себе домой, что москвичи, обычно, делают редко.

Тамара и Римма пришли в назначенное время. Робко переступили порог её трёхкомнатной квартиры, забитой до отказа всякими вещами, сувенирами, статуэтками. Казакова рассказала, что после недавнего юбилея ей дарят подарки до сих пор, хотя был уже месяц май, усадила гостей, живо интересовалась тем, что происходит на Дальнем Востоке и в Биробиджане, особенно литературным процессом... Подарила им по коробке конфет, спросила: есть ли у них деньги и рассказала свою давнюю историю.

Много лет назад ей, юной путешественнице, довелось ехать поездом из Хабаровска в Ленинград без копейки денег. На дорогу она заняла у поэта Луговского, а на еду денег не было. Зашла в вагон, залезла на вторую полку, да так и пролежала там двое суток. Опытный проводник заметил девчонку и, подойдя к ней, спросил: «Ты умеешь жарить картошку с мясом?» Она ответила: «Да, умею». «Тогда пойдём со мной», – позвал он. Каждый день оставшегося пути она готовила ему картошку с мясом, и они вместе её ели.

Этого доброго человека, спасшего тогда её от голода, Казакова вспоминала часто. И спустя много лет, какой бы пост она не занимала, всегда помогала другим. Бескорыстно. Безвозмездно.

Поэт и композитор Геннадий Норд – обладатель званий «Поэт 2002 года русского зарубежья» и «Человек тысячелетия» – рассказывал о своём возвращении из Канады в Россию в 2004 году. Через пять дней после приезда ему сообщили, что погиб его сын. В этот момент жизнь для него остановилась. Но Римма Казакова, понимая, что надо выводить его из ступора, включила его в программу концерта и потребовала, чтобы он шёл выступать. Последние четыре года они практически не расставались. Она поддержала его во всех его начинаниях в творчестве и в жизни. Предоставила ему комнату в своей квартире. Помогла всем, чем могла. Они много выступали совместно с концертами в России, проехали по Канаде и Америке.

Трудно назвать страну, в которой не побывала Римма Казакова. И если учесть, что последние поездки в Китай, Израиль, Канаду,

Америку она совершала после перенесённой травмы шейки бедра, с серебряной спицей в костях, мужеству её можно поразиться. Она не боялась и пластических операций. Несмотря на нестерпимую физическую боль этих процедур, была за пластику. Особенно мудрыми казались её старческие глаза на фоне гладкой кожи лица без единой морщинки!

За неделю до её ухода из жизни телеканал RTVI показал интервью с поэтессой, которое было записано в студии передач «В Нью-Йорке с Виктором Топаллером» в 2007 году. В нём поэтесса прочла свои последние стихи:

Жарко

Когда я маленькой была,
Я помню, жарко было,
И жизнерадостно гола,
Я в трусиках ходила.
А взрослых аж кидало в жар,
Их зной сжимал в объятьях.
И мне их было очень жаль
В их пиджаках и платьях.
Теперь, как правила велят,
Прилично я одета,
И косточки мои болят
От жарких вздохов лета.
Но лишь когда со мной любовь,
А не над умной книжкой,
Я становлюсь с восторгом вновь
Малышкой и голышкой.

Римма Казакова скончалась 19 мая 2008 года в подмосковном санатории в посёлке Птрушково. Прощались с поэтессой в Большом зале ЦДЛ. Она похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

**Пирамиды Аллы Акименко,
или Размышления о поэзии и поэте**

Лидия Капуцына

Появление первого сборника поэта, достигшего зрелого возраста, неизбежно рождает вопрос: почему он так долго не издавался? Мы знаем о фактах отчаянно смелого выхода к читателям совсем юных поэтов: например, восемнадцатилетней Марины Цветаевой. Молодость толкает на этот шаг дерзкая уверенность в себе: «Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед». Но история поэзии знает и противоположные примеры: Фёдор Тютчев перешел от отдельных публикаций к поэтической книге в пятьдесят один год, Арсений Тарковский – в пятьдесят лет. Может быть, причина – неуверенность в себе? Маловероятно: гению (о Тютчеве и Тарковском мы имеем право сказать именно так) дано осознавать свои силы и знать себе цену. Может, причина долгого молчания – в понимании ответственности? Выходя к читателю, поэт, даже скромного дарования, признаёт, что он приглашен к сотворчеству Богом, и в меру своих сил обязан соответствовать этому призыву, и то, что было пробой сил или игрой, становится долгом, а значит, грузом и болью – пусть блаженной, но болью.

Почему Алла Акименко, давно пишущая (в сборнике есть стихи, датированные 1974 годом) и периодически отдающая стихи в печать, только сейчас отважилась издать свою первую книгу? В её случае рискну предположить, что, кроме осознания ответственности, ей мешала многолетняя профессиональная работа с поэзией – в качестве учителя и библиотекаря. Знание, в *какой* ряд собираешься вступить, с кем тебя будут сравнивать отныне, способно удержать от решительного шага на долгие годы.

Но зато поэту в зрелом возрасте есть что предъявить миру: прочувствованную, выношенную систему ценностей, проверенную опытом, ошибками, всей жизнью. Самой структурой книги Алла Акименко определяет составляющие этой системы: «В стороне моей», «Городок зеленоглазый», «Предчувствие несбывшейся любви», «Звезда над Вифлеемом», «Истории урок», «Мои четыре пирамиды», «Где судьбы сходятся орбитами», «Переводы» – природа, родина, любовь, вера, память, творчество, дружба, поэзия.

В стихотворении «Алла» поэтесса, размышляя над своим именем, в начертании его видит определенный смысл: «Мои четыре

пирамиды. Вершины. Сила. Тайна букв. Приметы древней Артемиды. Сведенные ладони рук. Геометрические виды. Не разгадать сии места: Необъяснимо в пирамиде И возле аура чиста. Ограда, окна – Буквы-звенья – И постоянное жильё. И крепкое благословенье – В двузвучном имени моём. (Невозможно сократить стихотворение до цитаты, настолько слова в нем спаяны воедино).

Образ пирамиды, подсказанный поэтессе обликом её имени, на наш взгляд, многозначен и многозначителен, и мы можем распространить его на всю её поэзию. Пирамиды Аллы Акименко – это то в её жизни, что своим мощным основанием придаёт ей надёжную устойчивость, а вершиной возносит к небу, – то есть те самые ценности и истины, которыми она наконец-то решилась поделиться с нами.

Но что нового может сказать поэт? Наверняка любой проживший на свете человек и сам уже пришёл к подобным выводам. И все-таки поэзия, талант, искусство – это новость, которая всегда нова. Поэзия – не наука, она не открывает последовательно, шаг за шагом, законы мироздания. Она открыла истины о мире и, главное, о человеке, как только обрела свой язык. И гениально сформулированные Пушкиным в 19-ом веке суть и задачи поэзии и искусства в целом остаются неизменными и в 21-ом столетии: «чувства добрые... лирой» пробуждать, «в... жестокий век» прославлять «свободу», «милость к падшим» призывать. И каждый поэт, вышедший к читателям, как бы оригинален не был он сам, его стиль и стих, по существу, провозглашает те же пушкинские – Божественные! – истины: добро, свобода, милосердие. А человек, нуждаясь в очищении души, припадает к искусству как к источнику, способному вновь открыть ему красоту мира и самого человека. Когда-то Ломоносов пригласил нас к этому источнику: «Умой росой казальской очи...»

Алла Акименко не декларирует задачи своего творчества, не формулирует своё кредо, но они тем не менее отчетливо проступают в её стихах. Прекрасная зимняя «вишенка-вишня» выходит под окно лирической героини, «Чтоб очнулась душа, Чтоб весенние соки Забродили..., Чтоб не стыть одиноко На морозном огне». Поэт выходит к читателю для того же – для спасения другого – и себя – от холода и одиночества. Красота – природы или поэтической строки – действует одинаково благотворно.

Смысловая доминанта поэзии Аллы Акименко, её главная пирамида – любовь к миру во всех его проявлениях: «И знаю, что живу на свете белом, И чувствую, как этот мир люблю». Поэтесса умеет

видеть красоту бытия, даже если это отнюдь не поэтический быт: «На огородах с упоением Выпалывают сорняки», «Я тороплюсь сюда и снова Склоняюсь к тающей земле. С усердием готовлю грядки под гладиолусы и лук». (Чувствуете добрую энергию динамичных глаголов движения и готовность создавать прекрасное в словах «с упоением», «с усердием»?) А лестница на второй этаж библиотеки в очень тёплом и умном стихотворении, посвященном ей, – «Как лестница, – Для нас и путь, И восхождение».

Алла Акименко умеет превратить быт в бытие – а это свойство, отличающее поэта, – и поделиться с читателем чувством и мыслью, что «бытие прозрачно и лазурно, Неуловим его теченья след». Но опять-таки свойство поэта – уловить неуловимое, остановить мгновение, найдя точное, единственно возможное, определяющее его слово. Алле Акименко это удаётся. Реалии окружающего мира в её стихах не поражают экзотичностью, а язык – сложными метафорами, но та самая единственно возможная и счастливо угаданная деталь превращает не замеченный нашим взглядом предмет в явление, в событие: «Тихо охнула ива во сне», «Как родительский торшер, Тополек сияет тонкий», «Бревенчатые домишки, Скосивши береты-крыши, Спускались с бугра к болотцу», «Цветёт глазастая клубника, И кажется, что из-под век Глядит мне в душу, Будто хочет Понять, Каков я человек», «И падают в саду притихшем сливы, И легкая постукивает грусть». В этих точных и тонких деталях растворены любовь и нежность поэтессы к миру, который она как-то очень уютно, по-женски тепло и мягко обихаживает и обживает.

Обостренное чувство жизни и счастья жить присутствует в стихах Аллы Акименко о родине и о природе, как, впрочем, и во всем сборнике. Иногда оно находит конкретное словесное выражение: «И кажется единственно разумным И самым лучшим этот выход в свет...», «Дышу блаженно всем болящим телом, Глотками сочный свежий воздух пью», «Здесь, На самом краешке России ... Мне тревожно жить И хорошо...», «Все – особенное в природе. Вот и сердце взлетает в зенит...», «...легко моей душе В нашей с мамой комнатёнке». А однажды выливается в великолепный гимн жизни:

А ширь небес
Свежа, медвяна,
Настоем терпким опилась.
И я кричу сквозь гул:
«Татьяна! Какая родина у нас!»

Фраза «Какая родина у нас!» неизбежно была бы пафосной и декларативной, если бы не было рядом картины простора, света и женского имени. От этих строк перехватывает дыхание – по крайней мере, со мною это случилось.

Самый большой тематический раздел сборника – «Предчувствие несбывшейся любви» (соотношение стихов согласно структуре: 8 – 5 – 17 – 8 – 6 – 6 – 9 – 5, где 17 стихов – о любви), и это не случайно, поскольку для женщины-поэта тема любви естественна и необходима, как и само чувство. Критики, впрочем, не раз упрекали так называемую «женскую поэзию» за приверженность этой теме, внося в определение высокомерную снисходительность и намекая на ограниченность ума и дарования поэтесс. Но любовь к миру и жизни, характерные для поэзии Аллы Акименко, находят своё высшее воплощение именно в любви к мужчине, ребёнку, семье. Разные психологические состояния лирической героини, подчас полярные, переданы точно и убедительно, например, чудо встречи: «Всегда я этот профиль рисовала – Не ведают вины забавы наши. Есть магия портретного овала... И я его увидела однажды»; счастье обретения и созидания любви: «Его, как скульптор, заново творила. Всё лишнее от камня убирала...»; труд жены и матери: «...Праздники не часты, Как звезды в отраженье серых луж»; драмы несовпадения: «Не умолю, но вымолю – Всю силу слов вдохну, Как заклинанье вымолвлю: Люби меня одну!»

Стихи Аллы Акименко о любви – не последовательно изложенная биография сердца, а остановленные мгновения пережитого и переживаемого. Образ героя неоднозначен, и эпитеты, определяющие его, – тому подтверждение: «одинокый волк», «рыцарь и палач», «ангел-хранитель», «повелитель», «назойливый гнус», «пёс сторожевой», «долгожданное и сбывшееся счастье», «сладостная боль», «единственная в мире любовь», «горький мёд последнего блаженства».

Оксюмороны «сладостная боль», «горький мёд», «рыцарь и палач» передают драматическую противоречивость как этих мгновений, так и героя. Близка к оксюморону игра слов – столкновение полярных смыслов так же естественно, как столкновение–слияние мужского и женского начал: «Ты ворожи, а я обворожу», «Как не просто быть просто цветком», «И вводишь в грех – И от греха уводишь», «Не рассветом живу, а просветом».

Вечный маятник – смятение, ожидание, обретение, утрата и

снова смятение и ожидание («Неважно, Что сегодня наворожишь – Три свадебных веселых бубенца Или узоры дегтём на воротах») – венчает афористически чётко выраженная безусловная истина: «Но есть простое человечье счастье: Сопит ребёнок и целует муж». Это цитата из стихотворения о назначении женщины «Невелика для женщины улада...» Таких стихотворений несколько, и наиболее убедительны из них те, в которых истина утверждается не декларацией, а картиной её воплощения – как в одном из лучших стихотворений сборника:

Кормлю ребёнка грудью –
Так род людской взращён.
Занятым многотрудным
Мальчонка поглощён.
На лбу крупинки пота,
Что капельки росы.
Умеет же работать
Самозабвенно сын!

Ещё одна «пирамида» Аллы Акименко, дающая одновременно устойчивость и способность к полёту, – «истина Христова», которая «словно хлеб, питает душу». Присутствие её в сборнике не ограничено разделом «Звезда над Вифлеемом». Она представлена рядом стихотворений о животворящей силе веры – «С Рождеством!», «Дитя и детище моё, сынок...», «Давно когда-то древний Моисей...», но главное её проявление – в самом отношении поэта к ближним, и это подлинно христианские чувства любви и милосердия – к матери: «Оттуда цветущим маем Несла я черемуху маме»; к сыну: «Дитя и детище моё, сынок... Ах, если б в эту Книгу ты вошел... Где сердце наполняется добром»; к землякам: «И пусть не иудейка я по крови, На идише мне город детства пел Мотив негромкий тополиной кроны, И Сара мне качала колыбель», «Среди берёз и сосен величавых Мы чуточку добрее и мудрей, Покуда, рядом смуглый и курчавый, Всегда неунывающий еврей».

Это чувства боли и сострадания: «Кавказ в огне – А боль горит во мне», и потому поэт обращается к таким же матерям: «О, матери многострадальных гор! Объединимся все молитвой краткой, Чтоб сын мой не был послан, Мне в укор, На землю к вам С саперною лопаткой». Болит душа поэта за погибших в годы сталинских репрессий: «О Родина! Ты с каждым виражом Детей своих несчитано теряла» – и в Афганистане: «Вспоминай, вспоминай, вертолёт-

чик, Не пришедших с афганской войны». Обратите внимание на активную интонацию: поэт восклицает, вопрошает, требует – и тем самым не даёт спать совести и памяти, своей и нашей.

Творчество – ещё одна «пирамида» Аллы Акименко. Нет поэта, который не ставил бы перед собой вопросов: почему я пишу? Для чего и кого? Поэтесса пытается найти ответы на них: «Я – книжница и марала. Слова прорастают во мне», «Я хочу одиночество словом унять, Светом строчки на белом листе...», «Всю ночь ищу слова, Оттачивая грань. ...Листки стопой лежат, ночной чудесный бред». И главный ответ на вопрос об источнике вдохновения найден: «О, Боже, наделяешь Ты Счастливым словом...»

Посвящения друзьям, художникам и поэтам, переводы ушедших Шмуэля Гельмонда, Любви Вассерман, Арона Вергелиса, Бориса Миллера – грани той же пирамиды – Поэзии.

Есть в стихах Аллы Акименко одна особенность – постоянное присутствие образа неба: «И сияньем заоблачных грёз Льётся в мир светомузыка звёзд», «А ширь небес свежа, медвяна...», «Ночь торжественная в ризах, Звёзды сверху, звёзды снизу. На вершине ближе к Богу. И уносятся тревоги По накатанной дороге Между небом и землёю», «Ведом женский мой тягостный крест. Где искать мне для этого силы? Был ответ: «У земли и небес», «И облачным столпом являлся Бог, И глас небесный слышать каждый мог», «страниц небесный шёлк».

Образ неба имеет много воплощений в стихах Аллы Акименко, что неслучайно и символично: в них много простора, воздуха и света. Ими хочется дышать – то есть читать, слушать и думать.

Наверное, для этого и появился сборник поэта, не свободный, конечно, от некоторых недостатков, но знание и преодоление их нужны самому поэту для дальнейшего движения вперёд. Читателям важнее то доброе и сильное, что составляет суть поэзии Аллы Акименко – её пирамиды, её ценности, её мир, представленные в первой – но не последней! – книге стихов.

Содержание

Раздел 1 «Я родом из детства...»

<i>Кузнецова Е.А.</i> Николай Дмитриевич Наволочкин	3
Николаевские чтения	
<i>Кремешная Л.Б., Жеребцова Л.Г.</i> Опыт работы библиотеки им. Наволочкина посёлка Николаевна	5
<i>Пацюк Р.Н.</i> «Удивительное. Сказочное. Сокровенное», или Как отмечали юбилей земляка	9
<i>Пацюк Р.Н.</i> «Сын земли дальневосточной»	11

Раздел 2 «Страна Биробиджан»

<i>Журавлева О.П.</i> Из истории выпуска альманаха «Биробиджан» и формирования еврейского литературного центра в ЕАО	20
<i>Акименко Алла</i> «Мынастежь тайгураспахнули, какдвери...»	27
До своей звезды...: Эммануил Казакевич	27
Воистину ты богат!: Борис Миллер	32
Из воспоминаний Софьи Миллер об отце	36
Бузи Олевский	39
Сын играет мелодию...: Серго Бенгельсдорф и Люба Вассерман	41
Биробиджан Тевье Гена: к 100-летию писателя	46
Поэт Макс Риант	51
Я всё, как дар, беру на плечи: Хаим Бейдер	53
Григорий Рабинков	56

Раздел 3 «Необщие слова...»

<i>Акименко Алла</i> Поколение шестидесятых	59
«Дороже нет поры в родном пределе...»: Виктор Соломатов ..	59
«На перекрёстке ярчайших идей...»: Леонид Школьник	65
«Так трудно этот опыт нажит...»: Римма Казакова	71
<i>Капуцына Лидия</i> Пирамиды Аллы Акименко, или Размышления о поэзии и поэте	77

Сдано на вёрстку 17.04.2013 г.
Подписано в печать 24.05.2013 г.
Бумага офсетная, 80 гр. Формат 60 х 90 ^{1/16}
Уч.-изд. л. 4,1. Тираж 50 экз.
Заказ № 247.

Редакционно-издательский сектор
ОГКУК «БОУНБ им. Шолом-Алейхема»
г. Биробиджан, ул. Ленина, 25.
E-mail: libeao@mail.ru Сайт: <http://bounb.eao.ru>

Отпечатано ООО «Эпиграф»
679016 г. Биробиджан, ул. Сапёрная, 23, офис 2.
Тел.: 6-63-67, факс: 3-55-68